

Федеральное агентство по образованию
Уральский государственный университет имени А.М. Горького
Факультет журналистики

Автограф—70

Выпускники 2006 года о себе,
однокурсниках и преподавателях
70-летию факультета журналистики УрГУ посвящается
ТОМ 1

Екатеринбург
2006

Печатается по решению Ученого совета факультета журналистики
Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Куратор проекта «Автограф»

доцент Л. М. Макушин

Макет

Елена Якубовская

Автограф—70. Выпускники 2006 года о себе, однокурсниках и преподавателях : 70-летию факультета журналистики УрГУ посвящается. Т. 1.
— Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. — 100 с.

© Факультет журналистики УрГУ, 2006

Подписано в печать 28.06.2006 Формат 60х84 1/16 Тираж 100 экз.
Издательский центр факультета журналистики и факультета политологии.
620083, Екатеринбург, просп. Ленина, 51.

Социометрический портрет журфака: От «Шестидесятников» до «Автографа – 70»

Перед защитой дипломных работ ко мне нередко подходят университетские коллеги с одним и тем же вопросом: «Как там "Автограф"? Будет? Готов?» Уже десятый год на церемонии прощания с журфаком вчерашним студентам вместе с дипломом вручается и эта нетоненькая книжка. А преподаватели, получившие «Автограф» в подарок от виновников торжества, не могут побороть искушение тут же, хотя бы бегом его перелистать.

«Автограф» — не только сборник, подготовленный очередным выпускным курсом. Это и идея, у которой есть автор, и постоянно развивающийся проект. Автор — покойный Л. А. Кропотов, доцент кафедры периодической печати УрГУ. А история началась в 1995 году, когда в программу завершающего семестра были включены «Новые аспекты теории информации». Пятикурсники еще не успели остыть от впечатлений последней практики, окончание учебы у многих идет параллельно с работой в редакциях. Их не очень-то привлекают сугубо академические разговоры о тексте как инобытии автора, о стереофоническом, голографическом отображении действительности и т. п. Поэтому студенты охотно поддержали предложение Леонида Алексеевича на деле опробовать эту стереофонию-голографию и создать социометрический портрет или, точнее, автопортрет пятого курса. Поскольку факультет жил тогда подготовкой к своему 60-летию, то замысел реализовался в сборнике «Шестидесятники: Факультет журналистики Уральского государственного университета глазами пятьдесят пятого его выпуска».

Каждый участник сборника вытолкнул в письменном виде три задания. Первое — «О друзьях-товарищах». Здесь требовалось по собственному выбору, что принципиально важно в социометрии, рассказать об одном или нескольких однокурсниках, чем-то наиболее привлекательных для данного автора. Естественно, кто-то был фигурой, притягательной для многих, а кто-то, увы, остался «без внимания». Но слово о товарищах сказал и предпочтение определил каждый. Такой же характер

имела и следующая работа, только по отношению к преподавателям. Создавая цикл текстов «Такими я их запомню», студенты опять-таки были вольны написать о любом педагоге, руководствуясь собственными симпатиями или антипатиями. Наконец, третья задача заключалась в том, чтобы вспомнить и отразить в сочинении какое-то характерное и важное для автора событие в студенческой жизни за университетскую пятилетку.

«Шестидесятники» положили начало серии коллективных произведений выпускников дневного и заочного отделений журфака УрГУ. Поначалу это были «Истоки», но затем мы с Леонидом Алексеевичем дали сборнику более точное, на наш взгляд, название — «Автограф». «Автограф», применительно к преддипломному состоянию, — это и текст профессионала, и прощальное откровение об однокашниках, преподавателях и факультете, о себе. И, в итоге, — это еще и книжка, которую надо подготовить, сверстать, напечатать (забота инициативной группы и студенческой редколлегии), чтобы сказать: «Вот “Автограф” нашего курса».

Потенциал «Автографа» раскрылся не сразу, и десять лет назад некоторые аспекты не угадывались даже и инициаторами, руководителями проекта.

Исходный замысел условно можно назвать мемориально-мемуарным. Представляя читательской аудитории первый сборник, Л. А. Кропотов писал о существовании определенного класса социальных образований, непрерывно возникающих и через какой-то срок неизбежно «растворяющихся» в других группах. У членов таких временных общностей на всю жизнь сохраняется ностальгия об этом периоде, но в индивидуальной человеческой памяти с годами неумолимо стирается картина минувшего. Социометрический портрет коллектива, в том числе студенческого, закрепляет историческую память и воплощается в создании такого произведения, в котором бы давалась по возможности и полная характеристика изображаемого коллектива и характеристика каждого участника. Действительно, два десятка книжек «Автографа» — это продолжающаяся летопись факультета, его сохраненная и документированная новейшая история.

Гораздо богаче по содержанию оказались зарисовки о событиях за пять университетских лет. Получилась не столько хроника факультетских мероприятий, ситуаций, веселых и грустных происшествий, а очень любопытный «срез» студенческой жизни во всем ее многообразии. Многие из сюжетов открыли нам нашего студента со стороны, ранее совершенно неизвестной и не предполагавшейся. Здесь новое знание выводит на новый уровень понимания.

Самым неожиданным и одновременно интересным, действенным оказался эффект «Автографа» с позиций обратной связи в системе «преподаватель — студент». Поначалу, очевидно, под влиянием стартовой мемориальной и юбилейной направленности сборника, авторы буквально следовали заданной теме: «Таким я их запомню». В результате глава о педагогах больше напоминала розовый благоуханный букет. Но постепенно стала проявляться, как думается, «энергия метода». Настрой на откровенность, полное отсутствие цензуры и содержательной

правки, обязательное условие «рассекречивания» сборника только в момент вручения дипломов мало-помалу изменили тональность и оценочную составляющую этих материалов. Во-первых, вместо сусальных рассказиков о декане «папе Боре» и замдекане «маме Маше» в текстах о преподавателях все больше стало появляться аналитики и критики, которая с первого раза, надо признаться, шокировала некоторых коллег. Во-вторых, студенты, по сути дела, как-то незаметно переформулировали само задание, и многие из них перешли от комплиментарного портрета педагога к проблемам вузовской дидактики, к «портрету» преподаваемого предмета, с особым акцентом на его как общеразвивающей, так и практической полезности.

В один прекрасный момент мы, преподаватели, начали и читать «Автограф» по-новому и по-новому к нему относиться. Разумеется, кому не приятно встретить в рассказе о своей дисциплине слова: «Я дружу с русским языком! Я понимаю русский язык! Мне нравится русский язык!» Или: «Вы научили меня двигаться к своей цели несмотря ни на что. Спасибо!» Но могут быть и другие слова: «Будущим четверокурсникам: не выбирайте этот спецкурс!» Или: «От университета ждешь преподавателей-интеллектуалов. Обидно, когда тебя пытается учить "брак"». Или: «Я его не люблю ... Он хам ... А хам потому, что ничего никогда не объяснял, а только пугал: "Встанет вопрос о вашем отчислении"». Не исключается и такой вариант: в «Автографе» вообще нет упоминания о каком-то преподавателе. Помню, как-то один из коллег попросил очередной сборник, быстро пробежал глазами по страницам и разочарованно, даже обиженно протянул обратно: «Обо мне ничего»...

«Автограф» все чаще цитируется в кафедральных разговорах, на заседаниях Ученого совета факультета. Он превратился для нас в своеобразный барометр, фиксирующий общее состояние и частные проявления «погоды» в студенческо-преподавательском коллективе. Однажды очень громко прозвучавшее в сборнике мнение сыграло определенную роль в том, что мы вынуждены были расстаться с одним из приглашенных преподавателей. Но, уверен, гораздо больше переоценок совершает и больше задумывается о своей деятельности и поведении каждый из нас, ставший, или не ставший, «героем» какого-то фрагмента «Автографа».

С учетом опыта сейчас задания для «Автографа» формулируются так: 1. Мой самый <...> однокурсник; 2. Самое <...> событие в моей и нашей студенческой жизни; 3. Мой самый <...> учебный предмет на журфаке. Как уже отмечалось, особенно важна полная свобода выбора студентами объектами описания. Выбор должен состояться самопроизвольно, без давления извне. На социологическом языке это означает, что социометрический метод — самый «мягкий» и «качественный».

Итак, «Автограф» оказался multifunctionalным продолжающимся изданием. У него есть постоянно сменяющийся авторский состав и своя аудитория, у которой имеется устойчивое и весьма заинтересованное ядро — работающие с будущими журналистами преподаватели нашего и других факультетов Уральского госуниверситета.

Чаще всего коллеги делятся впечатлениями о сборнике сразу после его выхода. Время от времени мы собираем своеобразные «автографы на «Автографе»», чтобы суммировать мнения преподавателей, проверить наш проект на прочность и целесообразность.

Приведу в пример один из отзывов. Доцент философского факультета УрГУ А. С. Агманских (кстати, нередкий персонаж в сборнике) более десяти лет читает у нас на выпускных курсах историю философии. Вот его свежий автограф на «Автографе»:

«Писатель пишет для читателей — и разными способами узнаёт, как они (читатели) к его текстам относятся.

Преподаватель читает лекции студентам. И тоже, естественно, имеет желание узнать, как относятся к его «усилиям».

На мой взгляд, одно из главных достоинств «Автографа» — именно оценка преподавателей. Конечно, здесь бесполезно искать объективности! За объективностью надобно обратиться к итогам стандартного (усреднённого и обезличенного) анкетирования.

Отзывы «Автографа» всегда пристрастны и индивидуальны — и в этом главная ценность! Отзывы могут быть положительными, лаская самолюбие преподавателя. Могут быть — «с ложкой дёгтя». Кого-то это уязвит... А зря! Потому что «Автограф» позволяет «формировать рейтинг» особого рода. Важно ведь не «понравиться» всем — важно запомниться, оставить какой-то ощутимый след.

Поэтому, мне кажется, не страшно попасть в «Автограф» с плохой оценкой — страшно в него НЕ попасть...»

Еще один немаловажный момент связан с социометрическим портретом журфака. «Автограф» не то чтобы открыл нам глаза, — дело-то, в сущности, не новое, — но добавил активности и заинтересованности в мониторинге студенческо-преподавательских взаимоотношений, отношения студентов к учебе в целом и к отдельным предметам. Уральской школе журналистики близка идея равенства участников образовательного процесса как суверенных личностей, несмотря на различия в их функционально-ролевом статусе. Однако тот, кто стоит за кафедрой, по положению своему имеет гораздо больше возможностей давать оценку «младшему партнеру»: по качеству и объему усвоенных знаний, по прилежанию, поведению и т. д. Участие студентов в формировании содержания своего образования останется добрым пожеланием, пока они не выскажут своего мнения по этому поводу, пока их голос не будет услышан и принят во внимание. В какой-то мере такую возможность дает наш «Автограф».

*Доцент А. М. Макушин,
куратор проекта «Автограф».*

Александра Азанова

Дата рождения — 26 июня 1984 г.

Кто? Я в белом платье.

Что? Выхожу замуж за Михаила Борисовича Ходорковского.

Где? В самом элитном Дворце бракосочетаний Москвы.

Когда? Спустя 8 лет, когда он освободится.

Как? Грандиозно.

Почему? Потому что все эти 8 лет я вязала ему носки и сушила сухари, чем покорила его сердце.

МОЙ САМЫЙ ЛУЧШИЙ ОДНОКУРСНИК МУЖСКОГО ПОЛА

Начну с того, что журфак никогда не славился своим мужским населением. Нет, я не имею в виду талант, профессионализм и прочие качественные характеристики. Я говорю о количестве. Ни для кого не секрет, что по численности молодых людей на одну женскую душу журфак занимает место где-то между факультетом филологии и факультетом философии. Почему-то не горят желанием мальчишки идти в журналистику, хотя спрос на них в этой отрасли весьма и весьма велик (уж поверьте моему феминистскому опыту). Тот факт, что их так мало на моем факультете, сподвиг меня написать эссе об одном из представителей этой диаспоры, именуемой «однокурсники мужского пола».

...Я сдала свой последний вступительный экзамен, подсчитала количество баллов и пришла к неутешительному выводу: бюджетного места я не получу. Вздох горести и гнева вырвался из меня словами: «Покажите мне того человека, который все экзамены сдал на "пять"!» Проходящий мимо мальчик честно признался: «Я все сдал на "пять"». Тогда я в первый раз увидела Лямина. У меня даже вся злость куда-то девалась. Помню: симпатичный такой, скромный, глаза такие, честные, что ли... Его почему-то не хотелось обвинять в том, что он явный гений-псих или наглый мальчишка-мажор, в чем я подозревала тех, кто сумел все сдать на «отлично». Нормальный парень. К слову сказать, когда я в последующие годы своей студенческой жизни восклицала: «Покажите мне того, кто написал этот чертов реферат!» или «Покажите мне того, кто прочитал все эти треклятые тексты для зачета!», Лямин почему-то больше не появлялся...

Женя Лямин, доброй души человек, часто придумывал мне прозвища, за которые хотелось с улыбкой на лице сделать ему ответную гадость. Женя Лямин нагло списывал у меня ответы на вопросы теста по «Истории кино» (я у него, бывало, тоже, но эссе про него, а не про меня). Но! Он давно возместил мой

моральный ущерб, сам того не подозревая. Не отказывал мне в просьбах распечатать реферат или купить салат в столовой. Делал просто так, «за спасибо». Недавно, зная о моей безграничной любви к ведущему «Студии 41» Павлу Кольцову, принес мне в подарок значок с его груди.

Наверное, это все выглядит как подведение финансового отчета за 5 лет: доходы — расходы, плюсы — минусы, хорошие дела — плохие дела, — но это не меркантильность. Просто эссе про хорошего человека. Про Лямина, которого я всегда рада видеть и в университете и за его пределами. самого лучшего, на мой взгляд, моего однокурсника мужского пола. Ничего, что на журфаке так мало молодых людей, лишь бы там не переводились такие замечательные люди, как Женя Лямин.

МОЙ САМЫЙ «ГЛАМУРНЫЙ» ПРЕДМЕТ

Голливуд до появления этого предмета в моей жизни был для меня местом, где делают фильмы. Всё. Я всегда думала, что люблю кино. Я любила Бреда Питта, Леонардо ДиКаприо и фильм «Амели». Но, как понимаю теперь, обывательской любовью. Я любила кино, но не Кино. Я любила продукты Голливуда, но не сам Голливуд, с его историей, спецификой, звездами. Кларк Гейбл вспоминался смутно: «Вроде бы играл в “Унесенных ветром”...»; имя Греты Гарбо всплывало в памяти только как «Гхета Гхпо» в произношении Виталия Вульфа; а Жан Кокто и его фильмы вообще никогда не трогали моих глаз, ушей и мозга. Я не знала о Кино ничего.

Курс «История кино» заставил меня полюбить именно Кино, а Александр Иванович Мартиросов стал рассказчиком № 1. Не побоюсь такого патетичного сравнения, стал для меня таким проводником, каким был Вергилий для Данте в «Божественной комедии». Но если Вергилий вел Данте в ад, то Александр Иванович вел нашу группу в гламурный мир Кино.

Лекции о режиссерах, продюсерах, актерах, киностудиях были не просто читкой с листа. Мир Кино становился трехмерным, почти реальным, с его софитами, декорациями, гламурными актрисами и роскошными актерами. Мир американской мечты. Но невозможно понять Кино, не видя ни одного фильма. Мы оставались после пар, чтобы посмотреть уже не просто продукт Голливуда, а картины Висконти, Хичкока, Бергмана или Феллини. Казалось бы, после трех пар в университете оставаться и смотреть что-то жутко умное — насилие над собой и большая глупость. Может быть это мазохизм, но мы сидели и смотрели. Что-то нравилось, что-то нет, но смотрели. После пар, когда никто не держал...

Как создавался Голливуд, кто стоял у истоков крупных кинокомпаний, какими были первые звезды, что такое «саспенс», кто такие неореалисты, как появился «Оскар», что такое «эффект Кулешова» — на все эти и многие другие вопросы сейчас я могу ответить не задумываясь. Но тогда, во время курса, для меня все было новым и чрезвычайно интересным. Знания, данные Мартиросовым, почему-

то никуда не делись после сдачи зачета, как это обычно случается с другими предметами. Наверное, потому что всё попадало в мозг через эмоциональный аппарат, минуя рациональное начало. Эти знания о Кино не просто заняли свою полку в мозгу: они легли туда дозревать, как помидоры, которые срывают зелеными, а потом они лежат и наливаются красным цветом. Знания о Кино, заложенные в мою голову преподавателем, теперь дают плоды: я смотрю фильмы по-другому, я оцениваю их по-другому. Я не выхожу из кинозала, не досмотрев финальные титры: мне интересно, кто это сделал. Теперь я люблю именно Кино и могу с гордостью сказать, что кое-что о нем знаю.

МОЙ САМЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Я любила физкультуру. Мне не стыдно в этом признаться. Пусть крутит кто-то пальцем у виска, мне плевать. Сама я слаба здоровьем, поэтому не бегала кроссы, не соревновалась в арм-реслинге, не отстаивала честь вуза, гоняя на лыжах. Короче, в спортивной жизни вуза почти не участвовала. Кроме одного случая.

Чтобы получить зачет по физкультуре, «здоровым» (т. е. тем, кто не смог всеми правдами и неправдами добиться от врача специальной справки), помимо сдачи нормативов, нужно было обязательно поучаствовать в каком-нибудь спортивном мероприятии, проводимом в стенах университета. Т. к. к лику «здоровых» я причислена не была, на объявления об очередном спортивном соревновании не обращала никакого внимания. Но среди моих подруг «здоровые» были. Василина, моя подруга и по совместительству моя одногруппница, атаковала меня просьбами не дать ей завалить сессию. Она собиралась выступать с номером на фестивале аэробики, а я ей должна была составить компанию. После непродолжительных уговоров я согласилась стать членом ее команды (единственным, т. к. больше желающих не нашлось), чтобы Василине поставили галочку напротив графы «Участие в мероприятии». Другого мотива у меня не было.

Как это обычно бывает у студентов, за дело мы взялись только в последний день, а точнее ночь. Выгнав нашу подругу Веронику из квартиры, где она проживала одна, мы приспособили эту самую квартиру под танцпол. Придумывали движения, запоминали, где надо махнуть рукой, а где ногой, повторяли всё снова и снова. Без музыки, под музыку, под счет. О соседях, слушающих ночью три часа подряд одну и ту же песню и грохот наших па, не думалось совершенно.

Перед фестивалем мы еще и еще раз прогоняли наш номер. Но для полноты концепции нам не хватало еще одного человека. Им стала та самая девушка, которую мы выгнали ночью из дома, — Вероника. Ей не надо было, танцуя, прыгать, отжиматься от пола, задираť высоко ноги и делать прочие элементы нашего с Василиной номера. По драматургии выступления ей надо было выйти в образе строгой учительницы в начале и в конце танца. Тут следует сделать отступление. Каков типичный образ учительницы? Эдакая дама неопределенного

возраста, на носу — очки, в волосах — пучок, черный низ, белый верх. На шее может быть платочек. Привет пионерам! Вероника не то что не вписывается в этот образ, она далека от него настолько, что сделать из нее нечто подобное было весьма сложно. Вместо ее извечных джинсов мы нарядили ее в юбку, а ее любимый черный цвет сменили на сиреневый. Очки и пучок она тоже стерпела — понимала: того требует искусство... И все равно получилось хорошо. В смысле, типичного образа учительницы достичь не удалось.

Но пора было выходить. Все это время я ужасно волновалась. Мне приходилось в своей жизни много выступать со сцены при большом количестве народа, но всякий раз бил мандраж. Артисты говорят, это нормально, это правильно, так и должно быть. Этим я каждый раз пытаюсь себя успокоить перед большими выступлениями, но работает это слабовато.

Мы оттанцевали свой номер. Честно говоря, эти три минуты помню очень плохо. Я сбилась пару раз, что-то забыла... Но мне кажется, что все было неплохо: мы не покалечили друг друга и зрителей, ни у кого не случилось нервного припадка или истерики, наш преподаватель не залилась краской стыда за эту самодеятельность. Когда закончилась музыка и было сделано последнее па, нам захлопали, а мы, пытаясь отдышаться, стояли и улыбались. У меня в тот момент не было никаких мыслей, кроме одной: «Это всё закончилось! Какое счастье!»

Потом мы истерически смеялись в раздевалке, вспоминая всю эту затею от начала до конца. Да и теперь, улыбаемся, когда заходит об этом речь. Больше в общественной студенческой жизни я не участвовала. Мне хватило и этого раза. Поэтому, когда на следующий год Василина ткнула пальцем в объявление о проведении очередного фестиваля по аэробике и вопросительно на меня посмотрела, я активно замотала головой. Ни в коем разе! Хотя это было весело...

Кстати, Василина таки получила свой зачет по физкультуре.

Мария Астахова

Дата рождения — 15 декабря 1983 г.

Кто бы мог подумать,
Что я буду скучать по журфаку,
Где так ВЕСЕЛО было учиться! И даже если
Когда -нибудь в кошмарном сне мне приснится,
Как я сдаю зачёты и экзамены,
Почему -то ностальгия не утихнет...

САМЫЙ «СВОЙСТВЕННЫЙ ЖУРФАКУ» СЛУЧАЙ ИЗ МОЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ «НЕ ПРОШЛО И ПОЛВЕКА»

Не знаю, можно ли назвать то, о чём я хочу рассказать, «случаем», поскольку «случай», в моём представлении — это такое событие, которое произошло за довольно короткий промежуток времени. А то, о чём я расскажу, затянулось на почти что 5 месяцев. Однажды на подведении итогов практики, которое случается обычно где-то в начале декабря, один из моих радиосюжетов удостоили награды в виде грамоты. Когда я пришла за ней к Лозовскому, оказалось, что мою, вообще-то, очень простую фамилию, написали неправильно (пропустили одну букву). Борис Николаевич пообещал исправить и сказал зайти через недельку... Так как я в начале рассказа самую интригу уже, получается, раскрыла, то вы уже догадываетесь, на сколько растянулась эта «неделька». Не буду грузить подробностями читающих, скажу только, что вставили эту самую несчастную букву только к концу апреля. Когда мне, наконец, вручили награду, Борис Николаевич, которому свойственно хорошее чувство юмора, сказал: «Ну вот, видите — не прошло и полвека...» А когда я вышла из деканата, то заметила, что на грамоте НЕТ ПЕЧАТИ... Как говорится, To be continued...

МОЯ САМАЯ ВЕСЁЛАЯ ОДНОКУРСНИЦА

СТИХИЯ

Однажды она сказала о себе: «Я как симфонический оркестр, который играет без дирижёра». Думаю, что те, кто знают мою бывшую однокурсницу Катю Стихину, с этим согласятся. Бывшую — потому что учились вместе мы лишь до середины третьего курса, потом её отчислили. Сейчас она уже восстановилась, но после того, как мы с ней стали учиться в разное время, на разных курсах и «чаще встречаться» на парах больше не получается, мы толком-то и не общались (только

на уровне редких и кратких встреч в универе и «привет — привет, пока — пока»). А жаль... По — моему, она — самая весёлая моя однокурсница. Я не хочу сказать, что у неё зимой и летом круглые сутки улыбка до ушей, хоть завязочки пришей, или «смех без причины». У неё очень хорошее чувство юмора, которое проявляется всегда к месту, всегда в тему. Она знает много-много анекдотов и самое главное — умеет просто классно их рассказывать. Так же здорово, как она, изобразить манеру говорить самых разных героев этого жанра — евреев, детей, Ленина, блондинок etc, — не умеет никто из моих друзей и знакомых.

Как-то раз разговор зашёл о школьных прозвищах. «Моим погонялом (прозвищем. — М. А.) всегда была моя фамилия, — говорит Катя. — Но чаще всего её сокращали до звучного “Стих”». Потом она рассказала ещё об одной, более экзотической, вариации: однажды школьная библиотекарьша повесила на стеллаж с поэзией листок с надписью: «В стране Стихляндии»...

Я зову её Стих, иногда ласково — Стишок, иногда торжественно — Стихия...

ОБ ОДНОМ ИЗ ЛЮБИМЫХ ПРЕДМЕТОВ (И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ)

Одним из самых моих любимых предметов на факультете журналистики была история зарубежной литературы. Из всех преподавателей, которые вели «зарубу», особенно хорошие воспоминания у меня остались о Валерии Марковиче Павермане. Валерий Маркович, на мой взгляд, Преподаватель с большой буквы. Помню, как после его лекции об Эрнесте Хемингуэе у меня возникло нестерпимое желание прочитать АБСОЛЮТНО ВСЁ, что тот написал. Настолько интересно, воодушевлённо, с любовью говорил Валерий Маркович об этом писателе, и не только о нём, а обо всех остальных писателях тоже. Паверман вёл у нас всего 1 или 2 лекции (заменял Маркина), но эти лекции останутся в моей памяти, наверное, навсегда.

Лариса Бадамшина

- Кто?** Я очень искренний человек и дружелюбный...
- Что?** Недолюбливаю китайские палочки, потому что не умею ими пользоваться.
- Где?** Я вижу себя на острове Пасхи в следующем году, где до сих пор воявышаются гигантские статуи.
- Когда?** У меня будет зеленая Тойота RAV-4, когда я стану директором отдела маркетинга в фирме N.
- Как?** Я собираюсь весело прожить свою жизнь. Пусть за окном будет идти дождь, важно то, как человек относится к окружающему...
- Почему?** Я поступила на журфак, потому что так должно было случиться!

МОЙ САМЫЙ ПРАВИЛЬНЫЙ ОДНОКУРСНИК

Не подумайте, что слово несет негативную окраску. Просто не смогла подобрать соответствующий эпитет. Начну с того, что опишу внешность этого правильного человека, между прочим, девушки. Она производит впечатление утонченного, стильного, сдержанного человека. Внешне она мало эмоциональна, но иногда в ее хрупкой и одновременно сильной душе кипят настоящие страсти, мы просто этого не видим. Она умело скрывает все свои переживания за маской неприступности. Но это не Снежная королева, она отзывчивый и очень дружелюбный человек.

Она напоминает рассудительную, очень умную, целеустремленную и тактичную царицу Египта, которая всегда знает, как вести себя в определенной ситуации, которая не позволяет себе никаких ошибок и просчетов. Это необычайно последовательный человек. Просто правильный!

У этого человека, действительно, есть чему поучиться. Я считаю, что такие люди, это редкий случай в нашем «перецивилизационном» обществе!

Я писала о своей однокласснице Елене Щипановой.

ПОЛЕЗНЫЙ ПРЕДМЕТ

Своим самым интересным и полезным предметом, к удивлению, а может быть шоку сокурсников, я считаю «Историю зарубежной литературы XX века», которую преподавал у нас А. В. Маркин. Никто не внушал нам такого страха и паники, даже М. А. Мясникова, как он, преподаватель такого потрясающе интересного курса. Он был очень требователен к нам, но это даже на пользу, мы научились выговаривать слово — экзистенциализм, и знаем, что романа Набокова «Пни» не существует! Мне всегда нравилась литература — это тот, предмет который очень четко отражает картину мира того или иного времени. История дает нам сухие факты, литература показывает все страсти, испытываемые человеком, обнажает пороки, учит понимать других. Шарму предмету литературы придает

преподаватель, от его умения изложить суть произведения или дать определенные характеристики зависит, усвоит ли студент материал, и интерес к этому подаваемому материалу. Маркин не пересказывал нам произведения, он интерпретировал их суть, пропуская через себя всю информацию, выдавая ее лаконично, несколько эмоционально. Вы, наверное, спросите, причем здесь преподаватель, на самом деле, просто потому, что курс «Истории зарубежной литературы» не был бы так интересен без него. Именно Маркин придавал предмету некую загадочность, слушая его, создавалось ощущение, подчеркну в моих мыслях, что за окном другая эпоха, бушуют страсти, выступает со своими речами М. А. Кинг, играет «Битлз», и весь XX век насквозь пропитан революцией. Вспоминаются отдельные фрагменты из «Чумы» и «На Западном фронте без перемен», и многих других, не менее интересных произведений, но это все объединено в цельную картину истории литературы 20 века, также не отделен от этой общей картины и сам А. В. Маркин.

МОЙ САМЫЙ НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Мне очень хочется написать о своем поступлении на журфак, поскольку это самое невероятное, неожиданное событие, просто чудо. Думаю Вам понравится изложение факта моей предстуденческой жизни. Будучи школьницей, я даже не полагала, что окажусь в Екатеринбурге, тем более на факультете журналистики. С 9-го по 11-й класс я добросовестно изучала биологию и химию, чтобы поступить в медицинскую академию в городе Омске. Я участвовала в олимпиадах, решала генетические задачки всему классу — в общем, готовилась стать акушером — гинекологом! Мы с моей любимой мамой купили билеты до Омска, и благополучно доехали до Тюмени, где дорога разделяется на два пути: один на Екатеринбург, другой лежит в Омск. Остановка была 40 минут, оставалось где-то около 20 минут до отправления. И тут мне в голову пришла совершенно дикая мысль, и в тоже время настолько ясная и понятная: я решила поехать в Екатеринбург. Я эту мысль озвучила, естественно мама была в шоке! Она пыталась меня вразумить, на что я ей совершенно четко сказала, что мне просто необходимо ехать в Екатеринбург и все! Я не знаю, что это было за озарение, но чувство правильного выбора меня не покидало. Мы судорожно начали собирать вещи, выпрыгнули буквально. Проводник только ухмыльнулся и в недоумении сказал: «У вас же билеты до Омска?!», на что мы гордо ответили «Нам в другое место!» J. Так мы оказались в Екатеринбурге, целый день ходили по университетам, выбирали факультет и только на следующий день добрались до УрГУ. Обошли все факультеты, и увидели УрГУ. Обошли все факультеты, и увидели специальность ММР в СМИ, подали на специальность ММР в СМИ, подали заявление — причем номер у меня был 13!!!

На всякий случай подали заявление в медицинскую академию, но уже после сдачи биологии я забрала документы...Поняла, что мне ближе журфак, ММР. О чем на протяжении всего обучения не пожалела ни капли!

Самое интересное в этой истории то, что я не сдала «медицину» с первого раза...

МОЙ ОДНОКУРСНИК

С ребятами из своей группы я не очень знаком. Потому-то проучился с ними лишь полгода. После четвертого курса я ушел в академический отпуск. Но есть люди, которых я знаю уже давно. Например, Сергея Суворова. Знаю я его достаточно хорошо. Тем более что два года я с ним живу в одной комнате. Скажем так: люди мы с ним совершенно разные. И отношению к жизни у нас различное. Но, тем не менее, как-то уживаемся. Хотя по всем параметрам этого быть не должно.

Сергея, на мой взгляд, человек рациональный. У него все разложено по-полочкам. Он всегда четко знает, чего хочет. Он любит порядок. Он всегда поддерживал порядок у нас в комнате. И нас, своих соседей, он заставлял убираться. Хотя, лично я, этого делать крайне не люблю. Сергей всегда поддерживает порядок как в комнате, так и порядок в мыслях и поступках. Если он что-то пообещал, значит он точно это сделает. Но такой же ответственности он требует и от других. Если, к примеру, мы с ним договорились встретиться в 6 часов, значит в 6 я должен подойти.

Люди, с которыми ты общаешься, очень сильно влияют на тебя. Общаясь с Сергеем, я стал более ответственным. Хотя со стороны может быть это не так заметно. Просто те, кто не знал меня раньше, не смогут заметить этих изменений.

Сергей знает, что он будет делать через неделю, а может даже и через год. И наверняка то, что он задумал у него обязательно получится. Дай-то бог. Я же не загадываю дальше одного дня. Все мои наполеоновские планы обычно рушатся на глазах. Сергей же соизмеряет свои силы со своими возможностями. Планы может у него на первый взгляд не грандиозные, но реальные. Как говорится: все, но не сразу. Большая дорога начинается с маленького шага.

Я оперирую чувствами, Сергей — разумом. Он говорит, что верит только тому, что можно увидеть, потрогать. Я же, как раз этому верю меньше всего.

С Сергеем я стал слушать электронную музыку, хотя ничего в ней не понимаю. После Б. Гребенщикова сложно проникнуться всякими навороченными темами.

Саша Крембель, диджей Цепя и диджей Коля стали моими лучшими спутниками по вечерам. Думаю, что общением с Серегой пойдет мне на пользу. И я еще долго буду вспоминать как мы смотрели «Бэд Санту» раз пятнадцать, веселились и думали о будущем. Мечтали. А ведь что у нас остается в этой жизни, кроме мечты.

СЛУЧАЙ ИЗ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

У меня был сосед по общежитию под известным именем Антон Гуськов. Хороший был парень, веселый. Да почему собственно был. Он и сейчас живет и здравствует. Он то как раз и привел мою жизнь к полнейшему хаосу. В свое время. Что творилось в нашей комнате на втором-третьем курсе — ни передать словами, ни пером описать. Это была не комната, а помойка. Которую, мы не собирались разгрести.

Антон всячески соблюдал беспорядок в нашей комнатушке, и требовал от меня того же. Через неделю, после того как он заехал в общагу, у нас исчезла вся посуда. И мы решили, что без кружки, вилки или ножа домой не возвращаться. Заходим в другую комнату и как бы невзначай уносим оттуда заветный прибор. Мы так и сделали. И еще через неделю у нас все это появилось в огромных количествах. Вилки 30 набралось.

Еще у Антона был знатный холодильник, который в заморозке не имел себе равных. Однажды я решил пакетик с кашей, чтобы она не испортилась, положить в этот холодильник. Через час я достал не кашу, а глыбу льда. Я решил ее уже не использовать в пищу, и просто оставил морозиться еще на денек. Через неделю мы этим пакетиком с кашей забивали гвозди в стену. Мы так ее и называли — каша-сталактит.

Однажды у Антона было романтическое настроение. Выражалось оно крайне своеобразно. Он приходил в комнату: орал, пел и танцевал. Когда же ему подарили бадминтон, он днями напролет бил шарик об стенку. Но это было для него скучным занятием. Он любил новизну. Когда он обнаружил в холодильнике тухлые пельмени, он предложил мне партию в бадминтон с пельменями. Потом в ход пошли свежие помидоры и картошка. Не ограничились мы и этим. Шпроты, печенье тоже мы употребили по назначению. Все закончилось огурчиками солеными нашего третьего соседа.

ЛЮБИМЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Мария Федоровна Попова. Почему? Все просто. К хорошим людям душа тянется. Благодаря ней я до сих пор на журфаке учусь. Она всегда меня поддерживала. Давала советы. А если я что-то во время не сдавал, то она давала мне шанс исправиться.

Мария Федоровна человек, на которых держаться наш с вами мир. Они и дают этому миру ту гармонию и тепло, которого так часто не хватает нам. С ней всегда приятно поговорить. Не по предмету, не для чего-то. А просто так. Просто по-душам. Спасибо вам Мария Федоровна за то, что вы есть. Хвалить ее можно абсолютно бесконечно. Похвала таких людей не сбивает с толку. Они всегда остаются верными себе. Верными своему сердцу.

Ксения Вишнякова

Кто? Я.
Что? Хочу встретиться со ВСЕМИ через 50 лет.
Где? Около Уральского государственного университета.
Когда? Часов в 5 вечера.
Как? Посидим где-нибудь, чайку попьём.
Почему? Потому что учились когда-то вместе 5 лет.

МОЯ САМАЯ ОБЯТЕЛЬНАЯ ОДНОКУРСНИЦА

Личность, о которой я пишу, яркая, разносторонняя, общительная, современная и обаятельная. По темпераменту, скорее всего, сангвиник. Предпочитает сама принимать решения и сама же отвечать за свои действия. Совершенно лишена стадного инстинкта. Любит всё новое, необычное, нестандартное.

На занятиях обычно отвлечённо болтает, слушает плеер, читает журнал, либо совмещает все три занятия на задней парте. Но умеет быстро сконцентрироваться на предмете, когда преподаватель говорит о том, что её заинтересовало. Любит вступать в споры с преподавателями и сокурсниками и обоснованно доказывать им свою точку зрения.

Эгоистична, в принципе, как и все остальные на нашей планете. Эгоизм заключается в нежелании жертвовать временем и другими ресурсами, когда она не видит в этом собственной пользы. Если она заинтересовалась человеком или проблемой — может сделать очень многое, причем совершенно бескорыстно; если же ей капать на мозги и упираться на чувство долга — может откровенно послать даже по поводу сущего пустяка, но я мягкой форме.

Реалистка. Если в объективной реальности обнаруживаются отклонения от представляемой картины — старается приводить в соответствие. Не имеет необоснованных иллюзий.

Оптимистка. Всегда хорошее, веселое настроение, и всегда улыбается. Исключительно самостоятельна.

Имеет важнейшую черту в наше время — пофигизм. Создаётся впечатление, что она легко переживает неприятности на учёбе и в личной жизни. Может быть это и не так.

Лень одолевает её во время учёбы, но при приближении сессии она становится безумно деятельна. К экзаменам и зачётам обычно готовится за ночь. Испысывая

такое количество бумаги, какое не исписывала за время учёбы за год! На экзаменах люблю отвечать долго, подробно рассказывая о том, что узнала только накануне.

Кстати, с юмором у неё тоже всё в порядке.

А ещё она стала первой вице-мисс УрГУ, когда учились на 3 курсе!

Мой самый выдающийся случай в моей студенческой жизни

МИБ

Есть у меня замечательная подруга детства, с которой мы любили пошалить. «Крышу» нам ещё в классе 5 снесло, прямо в тот день как познакомились. Так и «отрывались» с ней всю жизнь. Шутки, прямо скажу, были иногда шокирующими. Я сама не могла поверить в то, что мы сделали, например, пару минут назад. Когда я одна, я абсолютно другой человек, но, при встрече с Валькой — так зовут мою подругу, я мгновенно меняюсь. Мне хочется кричать, прыгать, от меня можно ожидать чего угодно. Я становлюсь неуправляемой.

После школы мы поступили в разные вузы. Слава Богу!

Первый год, мы, по-видимому, адаптировались к новым условиям институтской жизни, так как очень редко виделись. А к середине второго курса решили встретиться.

К тому времени Валька нашла себе друга по имени Ден. Первый раз, увидев его, я поняла, что он тоже «всадник без головы».

Подруга, видимо, скучала по школьным «угарам» и нашла мне замену в институте.

Эти двое звонят мне накануне занятий и предлагают, пишу дословно: «Поиграть завтра в универе в фильм “Man in black” (“Люди в чёрном”)».

На что я соответственно согласилась не раздумывая. Их идея была в том, чтобы мы троём пришли в чёрной одежде и в чёрных очках в УрГУ и «разыграли» бы там сценарий фильма «МИБ».

Одежду долго искать не пришлось. У меня и так почти весь гардероб состоит из чёрных вещей.

Встретились около входа в Университет и пошли все вместе ко мне на пару.

Через десять минут должна была начаться пара современного русского языка у заведующей кафедрой Лазаревой Эллы Александровны.

Зашли троём в очень маленький кабинет 410. Это тот, где всего два ряда парт. Сели на втором ряду около выхода. На столе ни тетрадей, ни учебников, ни ручек.

Сидим такие, в чёрных очках, ждём народ. Пришли человек 15, сели за парты. Странно, но никто мне ничего не сказал по поводу того, как я выгляжу. Может быть, просто не поняли...

От начала пары прошло уже около двадцати минут. Открывается дверь, и входит преподаватель. Элла Александровна как обычно начала пару с вопроса взяли ли мы «пособия для занятий». Если у кого-то не было «пособия» на парте,

она предлагала сходить за ним на кафедру. Именно это предложила она сделать нам троим, но мы молча сидели и не снимали очки.

Она начала нервничать и говорить, что если мы не снимем «свои очки» и верхнюю одежду, то выгонит нас с занятия. Но мы сидели и молчали. Она встала и хотела подойти к нам. Тут Ден вскочил, открыл дверь и достал чёрный игрушечный пистолет реальных размеров. Он встал у двери, держа пистолет двумя руками у лица, как показывают в боевиках, и мы с Валькой не спеша, вышли из кабинета. Он закрыл дверь, и мы побежали по коридору к выходу. Элла Александровна вышла из кабинета и кричала нам вслед, что мы никогда не получим зачёт. Что она узнает наши фамилии.

Я тогда сильно испугалась и начала уже волноваться, но Валька сказала, чтобы я не переживала, что преподаватель всё забудет. И мы пошли шататься по универу. Фотографировались со скифами, с М. Горьким и другими достопримечательностями нашего университета.

С тех пор я не надевала на пары Эллы Александровны Лазаревой чёрные вещи. Боялась, что она вспомнит тот день....

МОЙ САМЫЙ НУЖНО-НЕНУЖНЫЙ ПРЕДМЕТ — ЛИТЕРАТУРА

Почему журналист должен знать «Тихий дон» или «Войну и мир», а, допустим, «Волхва» Фаулза — не должен? Где проходит эта граница? Должен ли сотрудник молодежной редакции прочитать всего Гришкавца или Пелевина?

Насколько глубоко должны быть знания по истории? Физике? И этот список можно продолжать до бесконечности.

На первый план на журфаке выдвигаются филологические предметы. Например, история литературы! Русская или зарубежная, не имеет значения.

«Как?! Студент не знает сюжетной линии “Тэсс из рода д’Эрбервиллей”? Да как он вообще может заниматься журналистикой!»

В самом деле, я благодарна преподавателям с кафедры истории зарубежной литературы в особенности Назаровой, Чернышеву, Турышевой и Маркину за то, что прочитала в свое время, пусть даже бегло, много интересных книг, к которым, я уверена, ещё вернусь в жизни, когда будет время. Но нельзя же жертвовать журналистским образованием в пользу мировой литературы.

Список зарубежной и русской литературы курсу к 3—4 представляет собой примерно 70 названий книг, каждая из которых в среднем насчитывает пару сотен страниц. Кто это сможет осилить?! Никто!

Так как помимо литературы есть масса других предметов, по которым также нужно сдавать экзамены и зачёты! Вся художественная литература — от античной до современной западной, от частушек до Пелевина с Сорокиным. Понятно, что студентам приходится читать горы книг, не только увлекательных, но и невыносимо нудных. Потому экзамены по литературе — это серьезное испытание на верность профессии.

Студент вызубрит к экзамену разрозненные данные на тему «что хотел сказать Ибсен образом сумерек в Пер Гюнте», студент может похвастаться тем, что знает, кто такой Кухулин. Но никто не научил его проверять информацию!

Работа журналиста — это всегда работа дилетанта. Журналист никогда не будет разбираться в предмете лучше, чем те, у кого он берет интервью, даже если он всю жизнь проработает в специализированном издании. Однако задача журналиста — суметь отобрать, обработать и передать эту информацию. Что же мы видим на самом деле? Если эти важнейшие навыки и даются в рамках журфака, то только весьма разрозненно и хаотически. Есть курс Чернова — право СМИ. Важнейший курс! Как не попасть в юридически сомнительную ситуацию, что журналист имеет право делать, а что нет, и так далее. Один семестр на пятом курсе.

Нужны квалифицированные специалисты. Если реально работающие в СМИ журналисты уровня хотя бы начальника отдела будут приходить на журфак и читать спецкурсы, то рано или поздно эти спецкурсы заменят весь тот псевдонаучный хлам, которым обильно поперчен основной предмет журфака — история зарубежной литературы. Такую систему, по моему мнению, старается ввести В. Ф. Олешко.

Сегодня сказать, что журналистика — это удел гуманитариев, людей, склонных к образному мышлению, будет неправильно. Сегодня журналистика становится все более аналитичной и жесткой. Публицистика «толстых журналов» постепенно вытесняется бесстрастной аналитикой и сухим репортажем — и это общемировой процесс. Посему наиболее востребованы и успешны те, кто умеет логически мыслить, отделять главное от второстепенного, структурировать информацию и т. п.

Чему только не приходится учиться журналистам в России. В отличие от большинства западных стран, где журналиста компактно за несколько месяцев обучают исключительно профессии, наши программы полны нужными, сомнительными и совершенно ненужными дисциплинами.

Но всех знаний в голову не положишь.

Ольга Галушкина

Кто? Только Я.

Что? Я здесь делаю?

Где? В Уральском государственном университете, на факультете журналистики.

Когда? В 2001 году я поступила на факультет журналистики, на отделение ММР.

Как? Очень просто.

Почему? Думаю, что это мое призвание. Ведь не просто так я решила бросить Медицинскую академию и поступить на факультет журналистики.

О СПРАВЕДЛИВОСТИ!

Хочу написать о человеке, который не дает мне покоя с первого курса. Но совсем не потому, что он вызывает у меня симпатию, скорее даже наоборот. Просто не понимаю, почему одним, чтобы что-то получить приходится «рвать когтями и зубами», а другие, особо не напрягаясь, имеют все. Вот мой «приятель» (будем называть его так, дабы никого не обидеть) как раз и относится ко вторым. Он без особых проблем сдает любой, даже самый сложный, экзамен или зачет, хотя, умом он не блещет. Но у него без сомнения есть талант, он может со всеми и буквально обо всем договориться. Мой «приятель» умудряется списать, даже если сидит за первой партой, а списывает он всегда, честно выучить предмет — это не для него, и уж тройку, как минимум, не получит.

Однако, один раз справедливость все-таки восторжествовала. Ради этого стоило пойти на пятый курс (закончила ММР)! Это случилось на экзамене по истории философии. Тогда мне показалось, что г-н Аتمانских может смотреть особым зрением, видеть всех насквозь. И его слова о выпрошенном дипломе, который лучше никому не показывать, о том, что мой «приятель» «паразит», живущий за счет других студентов еще долго согрели душу, причем не только мне.

О ЛИТЕРАТУРЕ!

Литература! Этот предмет всегда вызывал бурю эмоций практически у каждого студента факультета журналистики. Четыре года изучать литературу, читать огромное количество книг, писать тесты, сдавать экзамены. Но не смотря на всю эту «нервотрепку» самые смешные случаи как раз и происходили при сдаче именно этого предмета.

Прочитать за двое суток книги по всему курсу? Да не вопрос! Причем ведь еще и на экзамене удавалось вспомнить, после очередной бессонной ночи, практически все, что прочитала.

А эти пересдачи!!! Сначала не сдаешь со своей группой, потом не сдаешь с другим потоком, потом с заочниками.... И, удивительное дело, только на пересдачах по литературе можно было быть уверенной в том, что ты «не одинок». В отличие от других предметов, где на пересдачу приходило по два-три человека, на литературе, какой бы ты раз не пришел, аудитория почти всегда была полной.

У меня до сих пор сохранилось огромное количество краткого содержания. Сейчас я беру в библиотеке те книги, которые не смогла осилить вовремя, и уже просто получаю удовольствие от их прочтения.

Наталья Глушкова

Кто? Глушкова Наталья.
Что? Поступила на журфак.
Где? УрГУ.
Когда? В 2000 году.
Как? Честно.

САМЫЙ БЛИЗКИЙ ОДНОКУРСНИК

С Любой Прозоровой мы познакомились в 2000 году уже на журфаке. Она только приехала в Екатеринбург из маленького городка в Пермской области. И хотя там, в Чернушке, она была в центре внимания (ее отец был тогда главой администрации этого города), в ней совсем не было ни заносчивости, ни гордыни, ни жеманности. Наоборот, она привыкла всегда и везде вести себя достойно.

На втором курсе я ушла в академический отпуск, учеба для меня временно прекратилась. Но с Любой мы теперь встречались вне университета. Это было хорошей проверкой, так как кроме нее у меня ни с кем из моей первой группы не сохранилось таких близких взаимоотношений.

Сейчас мы дружим семьями. Люба замужем и у них растет сын Виталик. Я очень рада, что в моей жизни есть человек редкой порядочности, моя Любовь.

САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ ПРЕДМЕТ

Если честно, то примерно к третьему курсу мне стало совершенно очевидно, что журналистика — это не мое. Еще до поступления на журфак я интересовалась психологией, но тогда, в 17 лет, этот интерес еще не оформился во что-то определенное. Зато с первых же пар, которые нам читали преподаватели кафедры психологии, я поняла, что это именно та наука, которой я занималась бы с радостью.

Мне было равно интересно слушать лекции, как о возрастной, так и социальной психологии. Я выбирала все спецкурсы, связанные с этой тематикой.

Мне не приходилось заучивать лекции для сдачи экзаменов и зачетов. Я их помнила и так.

САМЫЙ КУРЬЕЗНЫЙ СЛУЧАЙ

Было это, по-моему, на 4 курсе, в последних числах декабря. Сдавали мы зачет по экологии. Он проходил в форме тестирования.

Нам раздали тесты и вот сидим мы вся группа, пишем. Атмосфера, как всегда в такие моменты, напряженная: преподаватель делает вид, что не замечает, как отдельные личности, согнувшись в три погибели, или отгородившись сумочкой, списывают. Студенты — кто отвечает самостоятельно, а кто и с помощью соседа. Последние секунды...

Идет подсчет примерного количества правильных ответов. Ну все, будь что будет, дружно вздохнули и сдали листочки.

И тут-то, как из-за угла пыльным мешком по голове, преподаватель объявляет, что вся группа должна явиться на пересдачу 30 декабря. Естественно, что до означенного числа вся студенческая братия задавалась вопросом — что же произошло?

Ответ был прост: во время раздачи тестов студентам лаборант случайно выдал и ответы на него.

ОДНОКУРСНИК

Романтика студенческих будней, связанная как с учебой, так и с практиками, невольно ассоциируется с теми, с кем плечом к плечу стояли у кабинетов в ожидании своей очереди на экзамен, с кем сидели за одними партами в аудиториях, с кем проходили практики. Мне повезло. Сопрактикантом мне достался рубаха-парень Александр Никонов. Ну а для меня просто Санька...

После третьего курса мы вместе поехали в Курган... Та практика стала, пожалуй, самый комичным звеном нашего пятилетнего обучения на факультете. А начиналось все романтично и банально, о чем в дневнике практики я написал: *«Скоростная электричка отправляется в 7.45. А вот и Саня тащится с сумкой! Воквальная суета. "Продолжается посадка на электропоезд до Кургана..." Ой, а вот это кто — неужто Сергей Панин? Ну точно, смотри-ка, с сумкой, какой-то растерянный вид. Батя провожает. Последние минуты, когда три журфакера вместе. Оказывается, у Сергея поезд следом за нашим. Интервал между нами будет пять минут. По сути, до Каменска-Уральского поедем вместе, друг за другом почти. Наш — через 3 минуты отправляется. "Ну, удачи, Серега!", — жем руки. У нас даже и поезда рядом стоят. Правда, у Сергея — скорый, да еще повышенной комфортности, ну а мы люди простые... Как-то все у нас пройдет?»*

...Кто может так беззаботно относиться к жизни, кроме нашего Сани? У людей иной раз крах — экзамен завалили — а он ничего, только курит да ругнется подчас. Рубаха-парень — это про него. С таким и на фронт можно. Туда мы и отправляемся, на наш совместный журналистский фронт.

И — мы воевали. Действительно, плечом к плечу. Мы помогали друг другу, мирились с недостатками, спорили. Но поутру, неизменно, иногда с ворчанием, иногда с радостью — шли в редакцию. А по вечерам, когда в курганском общежитии становилось тихо, мы коротали время за длинными разговорами. Иногда мы пели песни — без

голосов и без знания текстов. Получалось великолепно, хохотали до слез. Однажды, ввечеру, когда настроение после работы было упадническим, а за окном мирно умирал душный курганский день, Санька, нарушив 10-минутную тишину, промолвил:

— Мне кажется, что у короля Бургундии чешется под мышкой.

Эта была фраза века. И вновь смех сквозь слезы... Его журналистские потуги неизменно находили у меня живой отклик: иногда хотелось критиковать, иногда — хвалить. Из самого сухого материала, из незначительного факта ему удавалось в те дни стряпать пародию на журналистику.

Однажды все в том же Кургане мы с Санькой забрались в охраняемую запретную зону железной дороги, нас издаലെка окликнули охранники с автоматами и, после предупреждения, пригрозили задержать за нарушение запрета... Однажды Санька убил тапочкой мышь... А потом, однажды, год спустя, был Север...

Практика в небольшом северном городке лишь укрепила мое уважение к Александру.

Туда мы ехали уже осознанно, зная, чего друг от друга ожидать и что придется мириться с дуростями друг друга. Нижний Тагил, Серов, Ивдель — в каждом городке, по пути в таежную даль, я спешил выйти, а Санька как-то лениво шел за мной. Пожалуй, только в Тагиле мы с ним пробежались до вокзала в поисках минералки. Да так и не нашли.

...Ему досталась верхняя полка. Он слушал музыку, я читал. Из моего практикантского дневника: *«На часах начало первого. Темно. Санька уже спит наверху, да и вообще весь вагон погрузился в дремоту. Я еще попортил глаза чтением, потом пытался разглядеть что-то в окне... Вышел в тамбур. Ветер очень свежий обдул меня. Кстати, мы с Шуриком не взяли постельное белье — экономить начали уже тут, на родине. И одеял нет поблизости. Да и зачем — казалось днем, когда поезд был как печка? Но жалеть об этом я начал уже сейчас. Положил рядом свою рубашку, чтобы она меня собой согрела, если вдруг станет холодно. Вагон уже храпел, когда я, под впечатлением первого дня вне дома, засыпал под ритмичное «тух-тух». Баюкает».*

...А его потрясающее умение уснуть в самое неожиданное время и в столь смешной позе, что эти его фотографии потом легко шли к моему проблемному очерку об алкоголиках. Он меломан, но странный: 30 секунд ему бывало достаточно, чтобы прочувствовать песню. Мне — нет. В те дни он мог съесть невообразимое количество «доширака», а потом бежать в магазин за пельменями. Купленную пачку оставить на столе, сказать: «Больше есть не хочу, передумал», и лечь спать. А утром, когда я ворчал и предлагал подремать еще, он тормозил меня своим веселым настроением. Еще в Кургане как-то он приподнял мою кровать, чтобы я проснулся.

Потом мы вместе увидели Северное Сияние — то, ради чего только и стоило приехать за полторы тысячи километров! Мы смотрели с Санькой вверх, не в силах сдержать возгласов восхищения. Красота, волшебство небесное! И хотя Александра вряд

ли можно назвать романтиком в полном смысле этого слова, иногда на него что-то вдруг находило и тогда я, с удивлением для себя, встречал его с беззаботным видом на пляже, когда он шел туда, где закатывается солнце, или слушал в трубку его «Смотри, какая луна сегодня!»

А еще мы любили хохотать. Обычно по поводу соседей, которые нас традиционно беспокоили. И не всегда нас волновало, что все вокруг спят... Но всегда это были безобидные, пусть и чуть хулиганские поступки. Его журналистика — это журналистика вымученная, о чем читатель, сходу проглатывающий его материалы, никогда бы не догадался. Сколько трудов кладет Саша на то, чтобы написать материал! Я с ужасом смотрел, как он жертвует несколькими выходными кряду, ради великой цели — «до завтра закончить материал». Иногда он его «заканчивал» по неделе. Зато, когда приходил из редакции, журналистикой от него за версту несло..

Когда Саньке вдруг пришлось уезжать, оставляя меня в одиночестве на Севере, он как будто не хотел этого. *«В комнате меня ждало величие довольно печальное: грустный от нежелания уезжать Саня (интуитивно чувствую), собранные сумки и пустота его половины комнаты. Я не помню, о чем мы сегодня говорили, но спать легли уже вначале третьего, и время между вторником и средой проскочило неважно».* Потом, спустя пару дней, он звонил мне уже из Екатеринбурга, поддерживал и рассказывал, что «добрался в общем хорошо»...

Я вообще уважаю интересных людей. Таких у нас на журфаке было много. Но только нескольких из них я узнал по-настоящему. Каждый из них — личность. Журфаковская судьба распорядилась так, что лучше всех я узнал Серегу Панина, Женьку Лямина и вот... Сашку Никонова. «Пасибо тебе, журфак, что ты был в моей жизни!»

СОБЫТИЕ

Есть вещи, которые нельзя забывать. Кажется, забудешь — и обязательно предашь что-то дорогое, близкое, такое важное. Наверное, этим «важным» и был для меня факультет журналистики. Предметы, преподаватели, события, друзья... Калейдоскоп эмоций. На эту тему впору роман писать. Но мы не литераторы, а лишь хроникеры своего особого времени, которое только наше и ничье больше. Для меня журфак начался с приветливых слов одного преподавателя: «Добро пожаловать на лучший в мире факультет!»

...Поступили. Первые пробы пера — репортерские километры и эксперименты, о которых смешно вспоминать, первые экзамены, шпаргалки. Потом и первые — такие наивные — практики. Мы словно шагали по кочкам журналистики, боясь завязнуть в трясине реальности. Первые материалы и первые радостные признания: «Меня опубликовали», первое освоение новых тем, жанров, первые неудачи, конфликты. И вслед за этим — практика в практике. Нам с Женькой Ляминам повезло: мы проходили свою первую практику сразу в двух местах. Второе СМИ нас объединило и, как только вспомню, тотчас охота смеяться. «РИА-Новости»...

Небольшая комнатка на пять компьютеров, разношерстная команда журналистов, профессиональных и не очень.

Эта история началась еще в мае, когда мне предложили пройти практику в серьезном информационном агентстве. Пришел, рассказал о себе, получил приглашение поработать в августе.

— Запиши, — сказала мне редактор регионального отделения агентства Татьяна Николаева, продиктовав номер мобильного. — Это мой телефон. И Гулина вот трубочка (Гульнара Калинина — заместитель редактора).

Пролетели два месяца газетной практики и в августе мы с Женькой пришли на работу. Кажется, я прямо с порога заявил, что мне нужна Татьяна Игулина. Когда мне объяснили, что здесь таких нет, я начал возмущаться, продолжая требовать названного персонажа, однако журналистки с фамилией «Игулина» в офисе не наблюдалось.

Через пару дней начали работать. Ежедневно поутру мы с Женькой ждали друг друга у входа и вместе, как братья-близнецы, поднимались на второй этаж, где нас ждали пресс-релизы и многочисленные телефонные звонки, «ради нескольких строчек» на сайте. В первые же дни работы нафантазировали с три короба: мы сами назначили себе уровень зарплат, никого об этом не предупредив и каждый день за обедом, время которого мы свято соблюдали, спеша в ближайшую столовую, обсуждали, как потратим заработанное. У каждого из нас была великая цель — приобрести мобильный телефон.

Мы вместе ездили на пресс-конференции, отсиживаясь в конце пресс-зала и стесняясь задавать вопросы, а потом, не спеша возвращаясь в офис, строчили «информашки» и все ждали, опубликуют на центральном сайте или нет. Публикация заметки на федеральном сайте информагентства прибавляла к зарплате 15 рублей, потому даже мелкое событие каждый из нас старался сделать глобальным посредством оборотов речи и мелких деталей.

Один раз мы забыли должность человека, который проводил пресс-конференцию, но в грязь лицом не ударили и поступили в лучших шпионских традициях: позвонили в администрацию и, тут же придумав какую-то нехитрую историю, узнали необходимое нам имя и должность.

Потом как-то вдруг мы устали от журналистского однообразия... Надоело. Мы сами сократили себе рабочий день наполовину, приходя на час позже и уходя вскоре после обеда, придумывая какие-то отговорки начальству. Бывали ленивые дни, когда мы просто сидели за компьютером, общаясь о жизни. Да и коллектив был как на подбор: некий бородатый гражданин, склонившийся над клавиатурой и пишущий обо всем вокруг, но словно не замечающий ничего живого близ себя; молодой весельчак, пишущий «спортсмен» через «ц» и высмеивающий все наши творческие потуги; комичная в своей суровости главный редактор, из большого сейфа по несколько раз за день достающая деньги «на плюшки», за которыми ходила сама или посылала одного из свободных журналистов. Мы с Женькой нередко садились около сейфа и пытались

оценить, хватит ли редакции средств, лежащих там под массивным замком, на оплату наших им услуг. По нашим оценкам, — едва-едва хватало.

Некоторые темы нас безумно веселили. Например, слово «таджик» казалось очень хлесткой оценкой человека, торгующего наркотиками, а новость «Две “Волги” не смогли развезаться на дорогах ЯНАО» — самой актуальной информацией текущего дня. Потом вдруг нам пришла идея спецпроекта: как оплачивают услуги ЖКХ жители разных городов Уральского федерального округа. Мы обзванивали самые удаленные уголки УрФО, общались с чиновниками на тему, в которой понимали едва ли не меньше, чем Карлсон в особенностях электромагнитных излучений, и под конец практики выдали-таки большой и очень умный проект, который негласно оценили для себя в круглую сумму, которую, еще не получив, успели мысленно потратить несколько раз.

Характеристики на самих себя, после полутора месяцев работы, писали сами, после чего в офисе над ними дружно смеялись. Конечно, нам их подписали и даже пригласили на постоянную работу репортерами.

Зарплату мы ждали с нетерпением. Едва ли не каждый день проверяли карточки: «Не перечислили ли?» Но нет, обещанных сумм мы так и не получили. Казалось, на этом точка. Однако история получила неожиданное развитие во второй половине сентября.

— Макс, нам наконец-то заплатили! — как-то встретил меня около Университета Женька. — Я уже получил, там тебе в деканате конверт лежит.

Я был шокирован и вабежал на четвертый этаж так, как никогда ни до, ни после этого.

Конверт с логотипом РИА «Новости» действительно лежал. Трясущимися руками («вот оно, долгожданное счастье!») я открыл его прямо в коридоре. Внутри меня ждали две купюры-закладки достоинством в 500 и 100 рублей. И — распечатка текста, в логотипе — «КИНУЛИ»:

*** РОССИЯ * РЕГИОНЫ * ЭКОНОМИКА * ФИНАНСЫ * ХРЕН ***
«Екатеринбург, 17 сентября/Корр. РИА «Новости-Урал» Евгений Лямин/
«Хрен! Не будет денег!» — заявила в Екатеринбурге Татьяна Игулина

Накануне сердце ныло

«Хрен! Не будет денег!»

Так пахали в РИА

Целых шесть неделек —

Об этом корреспондентам РИА «Новости» сообщили в пресс-службе РИА «Новости».

Неудачливые любители денег и мобильных телефонов помещены на факультет временного содержания. Их ожидает четыре года исправительных работ.

Как писали Ильф и Петров, «таких ударов великий комбинатор не испытывал давно». Шутка Евгения на фоне полутора месяцев совместной работы за идею была, как ушат ледяной воды. Это сейчас смешно вспоминать, когда время

«исправительных работ» на «факультете временного содержания» подошло к концу, а тогда было... обидно? Нет, скорее странно: возможно ли такое отношение к молодым журналистам? Сколько таких «кинули!» было в нашей учебе в дальнейшем, моей и Женькиной, Женькиной и Сергеевой, в моей и Сергеевой, Санькиной и моей, Санькиной и Женькиной, Ленкиной и Женькиной... уже и не сосчитать. А сколько других событий, навсегда оставшихся в памяти! Сколько искоженных кладбищ вместе с Евгением у нас позади! Сколько километров позади, которые мы проехали вместе с Сергеем Паниным. Сколько городов позади поезда, в котором словно и сейчас мы едем с Сашкой Никоновым на очередную свою практику. Не верите? Так спросите у них сами. Сергей обязательно расскажет, какую стратегию мы разработали для успешной сдачи экзаменов, Санька о том, как это легко — не ходить на лекции начиная с первого курса и о том, как заставить преподавателя поверить в то, что его знание предмета превосходит знание самого преподавателя, а Ленка... наша Лена обязательно расскажет, какие мы во вне учебное время — странные, смешные, иногда серьезные... Мы такими были. Ими и остаемся.

ПРЕДМЕТ

В эти дни, когда мы заканчиваем обучение, все минувшие годы сливаются в один бесконечный и потому довольно трудно вспомнить какой-то особенный предмет, который воодушевлял, интересовал, даже побуждал приходить снова и снова. Хотя, конечно, горсточку понравившихся предметов наскребу и я. Пожалуй, лишь три предмета оставили у меня положительное впечатление и запомнятся надолго: русская литература второй трети XX века, которую читала нам Татьяна Снигирева, литературный спецкурс Валерия Павермана и... история отечественной журналистики XX века Дмитрия Стровского. Кто-то удивится последнему, другие даже покрутят у виска, а ведь именно с этим предметом на закате пятого курса каждый из нас столкнулся так, как, пожалуй, никогда раньше. Мне предмет понравился. Нет, я не сидел на первой парте и не смотрел фанатично на преподавателя, но те лекции, которые я посетил, оказались для меня очень важны, интересны. Во-первых, потому что рассказывал свой предмет Дмитрий Леонидович увлеченно и со знанием дела, — было ясно, что преподаватель не просто перечитал тексты журналистов и излагает их нам, но имеет свою точку зрения, свое видение ситуации того времени. Это было очень важно. Во-вторых, то, что мне рассказывали на этих лекциях — оказалось близким и важным для меня. Одни очеркисты — Татьяна Тэсс, Вера Ткаченко, Василия Песков чего стоят! Во-вторых, этот предмет, судьбой как будто нарочно поставлен был на пятом курсе, — когда уже неохота учиться. Лекции словно отсеивали тех, кому нет дела до журналистики, а те, кто ходил — хотелось бы верить, еще подавал какие-то надежды. Д. Стровский не просто рассказывал, он жил предметом. И это его пение и игра на пианино в актовом зале, — было смешно и необычно видеть строго преподавателя в необычной для него роли.

Его позиция оказалась очень близка моей. Или моя — его. Я расцениваю его предмет, — как предмет, который провожал нас в профессию. Дмитрий Леонидович прямо и мудро сказал, что в городе у нас журналистики нет и при уровне образованности журналистов, а также и на фоне ситуации, которая имеет место, — ничего иного просто быть не может. Это было куда важнее, чем ранние (три с лишним года они длились!) уверения наших журфаковских преподавателей о том, что журналистика есть, что нужно лишь чуть поднапрячься и выправить ситуацию. Но оказалось куда важнее услышать правду, которую каждый из нас уже давно видел своими глазами в редакциях и не жил в иллюзорном мире всеобщего счастья. К четвертому курсу пришло разочарование в профессии, непонимание — что делать и как быть. Поэтому слова преподавателей, мол, все в нашей профессии хорошо — воспринимались, скорее, как ирония, нежели как что-то мудрое.

...Тексты по истории отечественной журналистики через три дня подготовки стали рябить в глазах, хотелось все бросить. И если три-пять человек могли бы когда-то, спустя время, по собственному желанию обратиться к богатому наследию человеческой, пусть и советской журналистики, то другие были просто обязаны хотя бы раз в своей жизни прочитать что-то стоящее, — то, чем занимались корифеи профессии, то, чем «та» журналистика отличалась от «этой».

Нет, конечно, были еще предметы — была математика, необходимость которой мне лично никто так и не объяснил, были спецкурсы, из которых нельзя было выбрать ничего стоящего и были предметы, пустота и ненужность которых до сих пор удивляют — они отнимали лишь время у нас, вечно занятых чем-то, но только не учебой студентов, и думается мне, отнимали время у самих преподавателей. Но... тут уж за нас все было решено свыше.

Факультет журналистики для нашего курса начинался словами Дмитрия Леонидовича, когда нас, зачисленных уже, именно он строго напутствовал: «Только естественная смерть может избавить вас от посещения лекции». А в последние перед экзаменом дни мне отчего-то казалось, что он несколько поспешно махнул рукой на нас и относится к нам именно как к вечным студентам, ничего не знающим и прудим напролом к заветной сдаче предмета. Наверное, в чем-то он прав. Но в чем-то, хочется верить, даже убежден, в чем-то он ошибается. Единицы, но обязательно станут журналистами, профессионалами за которых ни ему, ни декану, ни многим-многим другим преподавателям, которые на каждой из своих лекций отдавали часть себя, не будет стыдно.

Татьяна Гусева

МОЙ САМЫЙ ОДНОКУРСНИК

У меня есть подруга, с которой на протяжении пяти лет мы ответственно грызем гранит науки. Судьба свела нас в момент, когда мы всем потоком принялись изучать английский язык. Преподаватель, которого назначали, нам не нравился: то ли мы ничего не знали, а он от нас много требовал, то ли он был слишком суров к нам. Ну, не могли мы посещать этот предмет и по этому благополучно прогуливали его. А так как английский прогуливали только два человека я и Оля, то сначала нехотя, а потом с интересом мы начали общаться друг с другом. В процессе общения мы понимали, что между нами очень много общего, хотя мы очень разные люди. Слушаем разную музыку, но одинаково относимся к людям, у каждого свой стиль в одежде, но один знак зодиака.

Об этом человеке я могу говорить бесконечно долго, очень много интересного и грустного происходило в нашей жизни. Были моменты, когда мы ссорились в пух и в прах, а потом не общались несколько дней, а иногда и недель и даже месяцев. Есть у нас одно общее качество, не очень хорошее, каждый из нас не хочет подходить и мериться первым, вот поэтому мы и не общаемся столько времени. А потом что-то происходит, чаще всего, это бывал какой либо случай, мы начинаем разговаривать, а потом просто забываем, что были в ссоре, и начинаем общаться как прежде.

Оля для меня очень дорогой человек, на нее в любой момент я могу положиться, и я знаю, она меня выручит. Таких людей, как она мало, такими людьми надо дорожить.

Каждый человек, который когда-то был студентом, еще на протяжении нескольких лет будет с удовольствием вспоминать свою студенческую жизнь и все невероятные истории, которые происходили в этот прекрасный период его жизни.

Одну из таких историй мне бы хотелось рассказать.

Первый курс. Первое сентября. Первый раз видишь своих однокурсников, новые знакомые, друзья. Чтобы ускорить процесс знакомства мы решили всем потоком поехать на турбазу.

Поехало нас человек двадцать. Минут сорок тряслись в душном автобусе, и уже на этом периоде началось общение. Нас высадили на трассе. Мы знали, что до базы нужно идти пешком еще километра три, но в какую сторону ни кто из нас не догадывался. Решили понадеется на случай. На часах 17.00. Пройдя метров сто мы оказались около озера, на другом берегу, которого, как нам показалась виднелась наша база. Мы обрадовались, но как потом оказалось слишком рано.

Дружной компанией мы отправились на тот берег. Вначале нашего пути мы были уверены, что преодолеем это расстояние за считанные минуты, но когда мы дошли до пункта назначения, уже порядочно стемнело, а самое удивительное нас ждало впереди. Подойдя к домикам, мы читаем надпись

«Лодочная станция»
часы работы с 9.00 до 17.00

На часах 20.00. База заказана на шесть. Мы понимаем, что мы уже очень опоздали, а до цели еще не добрались. Увидев сторожа, мы спросили, где наша база, на, что он ответил, что там, где вас высадил автобус. В этот момент хотелось кричать. Мы просим его переправить нас на лодке, на другой берег, естественно слышим категорическое нет. Ничего не остается делать, кроме того, как идти обратно. Мы пошли. У каждого в руке по спортивной сумке, в которой еда и еще множество атрибутов для хорошего отдыха. А самое «прекрасное», так сказать в нагрузку, начался мерзкий, морозящий, холодный дождь. Как нам показалось, хуже быть не могло. А нет, могло. На встречу нам выехал «Запорожец», 80-го года выпуска, набитый до отказа пьяными, деревенскими подростками. Они начали нас давить, в прямом смысле этого слова. Видимо мы им чем-то не понравились. Мы решили бежать в кювет, но запорожец не растерялся и ринулся за нами. И эта баталия продолжалась несколько минут. Затем пьяные подростки захотели поближе познакомиться с девочками, и активно предлагали покататься на иномарке. Наши мальчики уже давно скрылись в ближайших кустах. Только один молодой человек не покидал девочек в трудный момент, да и только потому, что потерял очки и не как не мог их найти. Деревенские ребята, расстроившись, что девочки им отказали, решили забрать очкарика. Положив его аккуратно в багажник, они скрылись в неизвестном направлении. Мы решили скорей бежать к базе и звонить в милицию, но через несколько минут из темноты появились наши знакомые на «Запорожце». Девочки вооружились, кто, чем мог. Мы решили не уходить с дороги, чтобы машина остановилась, и нам вернули нашего однокашника. Машина медленно подъехала, открылась дверь и от туда вышел наш заложник, с отчетливым следом от ботинка на правой щеке. Они уехали, но обещали вернуться с подмогой. Мы побежали на базу, грязные, мокрые, половина сумок потеряна, но мы добрались до цели. На часах 00.15 минут.

Р. С. Охрана турбазы полночи разгоняла с территории пьяных подростков из ближайшей деревни, которые как нам и обещали, приехали с пополнением. Мы же в это время весело обсуждали наше невероятное приключение.

ОДНОКУРСНИКИ

Курс у нас не особо дружный. Я бы даже сказала, совсем не дружный. Разве что в начале первого курса была такая эйфория, когда казалось, что все люди друг другу братья, а уж однокурсников должны связывать и вовсе какие-то сверхсемейные отношения. Единственный раз, когда мы собрались группой вместе в неформальной обстановке, был Новый год на первом курсе. Но и тогда уже нашлись личности, принципиально не пожелавшие приходить. А после... Чем старше становились, тем реже приходили на лекции. Одних засасывала работа, других — дела семейные, третьих ничто куда не засасывало, они просто не приходили. К пятому курсу состыковаться с каким-нибудь конкретным человеком на лекциях стало практически невозможно.

— Я на Олешко в понедельник иду. Ты там будешь?

— Не, у меня в универ только по средам выбираться получается.

— А у меня среда — самая запарка на работе. Прийти не смогу.

Экзамен стал единственной возможностью собраться вместе: на других посмотреть, о себе рассказать. Благо тема для разговора в таких случаях всегда находится:

— Народ, Хайдеггера кто читал? Расскажите, что поняли.

— Кто-нибудь знает, что за хрень такая — «Тарусские страницы»?

— Люди, кто такой Сосновский?

— «Симбун» по-японски «газета», «симбунся» — издательство.

— Гражданский кодекс взял кто-нибудь?

Редко уже кто интересуется, как жизнь, где работаешь, где обитаешь. Потому что в следующую встречу, которая будет неизвестно когда, все, что рассказал тебе человек, уже забудешь. Выветрится из головы, как не нужная в данный момент информация. Проще жить по принципу взаимной вежливости и невмешательства в личную жизнь.

Не буду я больше плакаться о канувшем в Лету студенческом братстве и выдавливать у сокурсников чувство ностальгии. Спасибо, что вы были. Спасибо, что вы есть: Шалагин, Надя Эбель, Серега Панин, Макс Гусев, Леся Матюшенко, Серега Суворов. Без вас моя студенческая жизнь была бы неполноценной. А еще выражаю огромную благодарность Саше Азановой — за стойкое присутствие на всех лекциях и каллиграфический почерк в конспектах.

случай

«Понаехали тут отовсюду и пишут о том, о чем уже двадцать раз писано-переписано!» Эта фраза, вылетевшая из уст преподавателя, для нас, иногородних первокурсников, прозвучала как приговор. Чего, мол, сюда, в наш славный город, приперлись, бездари, без вас жили счастливо и еще столько же проживем. Я сейчас, конечно, утрирую, но тогда невольный возглас преподавателя имел тот же эффект, что и ушат холодной воды, вылитый на мирно спящего человека.

Это сейчас на нашем курсе практически нет разницы между ребятами местными и иногородними. Те, кто когда-то был приезжим, обжились в городе, нашли работу, друзей, любимые места для отдыха, перебрались из общежития на квартиры, и теперь самостоятельно зарабатывают себе на жизнь, не прибегая к помощи родителей, и имеют даже больше возможностей, чем те, кто все студенческие годы жил под теплым маминым крыльшком. Как говорила героиня Ингеборги Дапкунайте в фильме «Интердевочка», «пока вы, местные, жили на всем готовеньком, нам, провинциалам, ой как приходилось ушками шевелить, чтобы на хлеб с маслом заработать». Бывшие иногородние теперь стали почти местными, разве что штамп в паспорте после диплома вновь проведет незримую границу.

Но тогда, пять лет назад, мы действительно чувствовали себя в чужом городе не слишком уверенно, старались держаться вместе, в общежитии дружили комнатами, как обычные люди дружат семьями. Мы понимали, что пока в этом городе мы — никто, и на том этапе не слишком и рассчитывали на какие-либо лавры или теплые места под солнцем. И тот брошенный в наш огород камень, та фраза преподавателя сначала показалось донельзя несправедливой и обидной: как так, ведь мы пока ни на что и не претендуем и великими себя не мним. А потом вдруг обида трансформировалась в вопрос: а почему не претендуем? Почему не чешемся, чтобы как-то проявить себя? Раз уж приехали — надо осваиваться, надо искать применение своим силам. На нас вылили ушат холодной воды, и мы проснулись. Пробуждение было не слишком приятным, но мы проснулись... и стали «шевелить ушками». Спасибо Любови Анатольевне Вяткиной за шокотерапию.

предмет

Все предметы, преподаваемые на журфаке, можно разделить на нужные и ненужные. Радует, что первых все-таки больше. Параллельно первой классификации можно привести вторую — предметы увлекательные и не очень. И вот с этим-то как раз дела обстоят значительно серьезнее. Предметов нужных и увлекательных —

единицы. Ненужных и неувлекательных в общем-то тоже мало. Увлекательных, но ненужных — можно по пальцам пересчитать. А вот с нужными, но неувлекательными — беда. Беда, как их много.

Первые два курса — база, а потому ненужных предметов там не было. Даже физкультура с ее бесконечной беготней между первым и седьмым этажом, была необходима. Самыми запоминающимися также стали английский и русский языки. Считаю, что и по тому, и по другому предмету с преподавателями мне повезло. Для английского мне не хватало усидчивости, язык мне давался тяжело. «Англичанка» Людмила Юрьевна Каратаева не сделала чуда, не сделала из меня лучшего англоговорящего журналиста Екатеринбурга, она просто превратила занятия английским из пытки в увлекательные уроки. Чего только стоили многочисленные «story» о ее похождениях за границей, начиная с различий между номерами для курящих и некурящих в английской гостинице и заканчивая синтетическим молоком, которое пьют американцы — «оно там продается в пятилитровых канистрах и может храниться неделями!»

Русский язык все четыре года у нас вела наша Женечка — Евгения Владимировна Горина. Мы у нее были первыми, и она взялась за нас со всей отчаянностью и усердием молодого преподавателя. Лично мне русский давался легко, и вкупе с добрыми отношениями с Женечкой это делало его любимым предметом.

К старшим курсам преподаватели и их предметы уже стали нравиться вне зависимости от того, какие оценки ставились на экзамене. По выражению Дмитрия Леонидовича Стровского, экзамен экзаменом, а человеческие отношения на этом не заканчиваются. На пятом курсе расписание подарило нам целую плеяду блестящих преподавателей. С некоторыми из них (Андрей Сергеевич Атманских, Лидия Яковлевна Баранова), в силу моего нечастого посещения лекций, приходилось знакомиться на консультациях к экзамену или на последнем занятии, а потом кусать локти: а-а-а, почему я не ходила?!

И конечно, преподаватели родного факультета — Борис Николаевич Лозовский, Мария Федоровна Попова, Владимир Федорович Олешко, Любовь Анатольевна Вяткина, Дмитрий Леонидович Стровский. Уже толком и не помнишь, что они вели. Их предметы слились в один общий курс — курс молодого бойца. Каждый учил жизни по-своему. Декан по-отечески — подчас серьезно, подчас «пытаясь шутить», МФ — по-матерински, опекала как маленьких неразумных детей, Олешко бесконечными рефератами и эссе пытался культивировать в нас наши собственные мысли. Про шокотерапию Вяткиной я уже упоминала. Стровский же с его «журналистика умерла» — журфаковский Заратустра.

Елена Журавлева

Дата рождения — 25 января 1984 г.

- Кто?** кто надоумил меня пойти на журфак? Уже примерно месяца два думаю на эту тему. Склоняюсь все же к тому, что это был мой дядя — редактор маленькой провинциальной газеты нашего городка Пышмы. С класса седьмого я начала свою творческую деятельность. Примерно раз в неделю я приносила в редакцию свои заметки. Как только я ступала на огромное (тогда для меня) крыльцо редакции — меня охватывал дикий страх и трепет. Я и безумно хотела увидеть Его, и в то же время боялась Его увидеть. Он — очень высокий худой, всегда элегантно одет, в два шага пересекал прихожую редакции или с кем-то медленно шел, разговаривая на серьезные темы. И тогда-то во мне загорелось: хочу быть такой же... солидной.
- Что?** что бы мне хотелось сказать своим (уже бывшим, хотя это не важно) однокурсницам и однокурсникам. Сдружились мы мало или совсем не сдружились, а только разбились на мизерные группки по два-три-четыре человека. Наверное, это заметили все. Или это я была отщепенцем на журфаке? Вряд ли. Присутствовало какое-то неживое общение. Ну подумайте сами — ни одного массового проекта с участием всего или почти всего курса, ни одного розыгрыша с преподавателем... Ну это, может, и к лучшему — больше времени на учебу оставалось — побольше умных, образованных журналистов появится с нашим выпуском :)
- Где?** на абитуре я жила у тети в пригороде, Уралнинискове, минут сорок встряски мовгов, съеденного завтрака в страшной бензиновой вони «скотовоза» (автобус такой). Сорок минут кошмара — и вы в Екатеринбурге. И вот это «где» я бы хотела посвятить отрезку времени от остановки «Восточная» до УрГУ. Такая сказка, прелесть: выходишь из этого автобуса и говоришь себе: «Нет, обратно сегодня я не поеду». Каждый день меня приветствовал и подбадривал маршал Жуков, а товарищ Свердлов укаивал точную дорогу.
- Когда?** прямо сейчас! Хочу сказать огромное спасибо Уральскому государственному университету за то, что он дал мне много новых друзей и жизненных знаний, огромное спасибо преподавателям, всем, кто нас учил за то, что дали общие знания, образовательные, и огромное спасибо всем своим новым подругам и друзьям за то, что поделились своим жизненным опытом, за то, что не испугались, и мы вместе бок о бок шли по неизвестной реке.
- Как?** как я поднимала свое тело в 7.00 на первом, втором курсе, когда мы учились с 9.00 УТРА? Сама поражаюсь до сих пор!
- Почему?** почему я никогда всерьез не думала об отчислении?
Потому что никогда всерьез не думала об учебе.

УВИДЕТЬ НЕВИДИМОЕ

Для того, чтобы оценить и понять эту девушку, совсем не обязательно долго думать, если ты такой же безумец, как и она. Мне бы не хотелось называть её имени. Я думаю, вы сами без труда догадаетесь, кто она — эта видимая и в то же время скрытная, невидимая... Ну вот, начало положено, можно перейти к прямому описанию.

Дабы не нагружать читателя пространными объяснениями, совершенно излишними, на мой взгляд, оформлю, пожалуй, её описание в рассказ «Неделя однокурсницы».

Понедельник. И все последующие дни её начинаются, как бог на душу положит, то бишь — встает она не по расписанию, а... как получится. Естественно, исключая те дни, когда НАДО встать в 8 (7, 9, 10).00. Популярное выражение: «Понедельник — день тяжелый» не для неё. У неё все дни на одно лицо — одинаково хороши и уникальны, только потому, что есть она и много её друзей и вообще людей, которые её окружают. Она очень ценит жизнь, каждую минуту, про таких говорят «живет сегодняшним днем». Любое событие, любое её действие, любой шаг плавно перетекают из одного в другое, где она не остается сторонним наблюдателем, а активно участвует в строительстве собственной жизни — поэтому я считаю её гармоничной и очень приятной натурой.

Итак, понедельник. Если в воскресенье не было праздника души и тела, то день свой она начинает с пробежки или утренней гимнастики. Опять же нужно оговориться, насчет праздников, плюс безумство этой девушки. Она тихо входит в аудиторию, здоровается со своими товарищами — теми, с кем больше общается или же кто остановит на ней свой взгляд. Она очень любит и ценит своих друзей (среди них практически нет её однокурсников). Вы спросите, а в чем же суть «самости» этой однокурсницы. Да я и сама не знаю, логически не могу это объяснить, это интуитивно чувствуется.

Вторник. Сегодня экзамен. Она, как любой другой уважающий себя студент, готова, но не до конца уверена в своих силах. Она не суеверна, но на «всякий случай», особенно на первых двух курсах, раскрывает зачетку в открытую форточку и кричит: «Халява, приди!».

Среда. В её глазах всегда светится неуловимый огонек. В среду он особенно яркий. Когда находишься с ней рядом, кажется, что останавливается время. Это тот человек, который никогда не пристает с глупыми вопросами и «не давит на переносицу». Наверное, может найти общий язык с любым человеком. А сказать, что она идеальна — это ничего не сказать.

Четверг. Она любит почитать на досуге хорошую литературу. Даже если на следующий день экзамен — она с головой уходит в понравившуюся книгу. Естественно, завтра она жалеет о содеянном, потому как экзамен безнадежно завален. Её раскаяние такое же чистое и откровенное, как и её радость.

Пятница. Пятница для неё — по-особому радостный день. Почему? Потому что всем радостно. Не знаю, плохо ей от этого или хорошо, но она заражается настроением окружающих. Даже один человек, встретившийся ей в автобусе по пути в универ, может на весь оставшийся день испортить ей настроение. И так приятно наблюдать за ней, когда она радуется чужой радости или плачет по чужим бедам.

Суббота и воскресенье. Выходные — это личное дело каждого. Так что оставим пункт без комментариев.

МОЙ САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ 2001 ГОДА В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ...
И САМЫЙ ЗАМЕТНЫЙ ДЕНЬ ВО ВСЕМ МИРЕ

Первый курс. Первые занятия в университете. Лекция Б. Н. Лозовского «Введение в специальность». Привычная для первого курса — аудитория забита до отказа. Спешным шагом входит Борис Николаевич. И сразу задает 'какие-то непонятные вопросы, вроде: «С профессиональной точки зрения, как вы расцениваете действия журналистов? Что было сделано корректно, а что — нет?» Причем больше половины аудитории начинают понимающе кивать головами, и зачинают дискуссию. А я и ещё пара-тройка моих однокурсников (общажных) недоуменно смотрят по сторонам — что случилось-то... Наверное, уже догадались — это был день 11 сентября 2001 года. К пятому курсу у многих в общежитии появились телевизоры.

УЧЕНЫЕ — СВЕТ

История русской литературы. Вот за что хотела сказать спасибо факультету журналистики! Чем русская литература помогла мне? Повысила уровень интеллекта; начитанность, а соответственно образованность не раз достигали предельной отметки. Более того, когда перед экзаменом ты держишь в руках список литературы — прочитано, конечно, не все. Но ты смотришь на этот бесчисленный ряд писателей и поэтов и думаешь и вдохновляешься: «Я все равно доберусь до всех остальных. Всех прочитаю, а вот эту, эту и эту даже перечитаю!!!». Но ты сдаёшь экзамен на «пять» или на «четыре», выходишь из аудитории, и все ещё продолжаешь думать о тех гениальных писателях и поэтах, которые всю свою жизнь посвятили Лире. И для кого все это написанное? Конечно, для тебя! Так что теперь срочно в библиотеку: сдать прочитанных гениев и побольше взять тех, с которыми давно мечтал ознакомиться. Но ма-а-аленькая мыслишка проскакивает, мол, помнишь, точно также ты говорил и на первом, и на втором, и на третьем курсе... И что? Наступали каникулы и ты находил себе занятие куда более важно и увлекательное, чем Общее Образование.

Благодаря сотням произведений, прочитанным за весь курс русской литературы от древности до современности, учишься более ясно, красиво и образно выражать свои мысли, как в устной, так и письменной форме.

И сейчас, по окончании пяти курсов факультета журналистики, я могу пообещать, что прочитаю тех непрочитанных гениев и перечитаю то, что уже давно, конечно, позабыла.

Анастасия Елсукова

Дата рождения — 3 ноября 1984 г.

Кто? Я

Что? есть

Где? там, где хорошо.

Когда? Всегда

Как? Только отлично.

Почему? Так надо!

МОЙ САМЫЙ НЕСТАНДАРТНЫЙ ОДНОКУРСНИК «ВЫСКАТЕЛЬНЫЙ» «БУНТАРЬ»

Долго думала, о каком же однокурснике (це) написать? Замучила своими «творческими поисками» не только себя, но и подругу Лену. Она предложила мне несколько вариантов, но об одних сокурсниках я рассуждать просто не хотела, про других решила, что лучше напишу потом в «мемуарах».

И вот однажды на лекции по психологии творческого роста, услышала сакраментальную фразу: «личность выскательная к информации». Меня осенило: такая личность сидит недалеко от меня и наверняка о ней (о личности) напишет кто-то еще, но придется, видимо, и мне, что же делать, если осенило.

Эту «выскательную» в хорошем смысле слова личность зовут Иван Боярский. Для него просто не существует иного варианта обучения, как рождение истины в споре и в вопросах к преподавателю. На протяжении всего студенческого периода большая часть преподавательских тезисов смело подвергалась сомнению. Хотя в этом учебном году Ваня почему-то стал чаще молчать. Уж не знаю, может, повзрослел и решил: «Ну, их! Все равно им меня не понять» (Вань, где твоя нестандартность?)

А, я вспомнила, теперь «выскательный» Иван избрал другую тактику: чаще всего он не «рвется в бой» с сомнениями по поводу высказываний лектора, а просто сидит и тихо улыбается. О чем он думает в этот момент, сказать трудно (и я не спросила), но очевидно одно — бунтарствует уже на ментальном уровне, про себя. Слушая лекцию, то заинтересованно подопрет щеку, то приподнимет бровь, то, вдруг, сядет вполоборота, смотрит на сидящих около однокурсников.

Так вот, на той самой лекции о творческом росте я однозначно поняла — Ваня типичная творческая личность. Ну, хотя бы тезис лектора о том, что творческая личность всегда высказывает мысли вслух, которые могут быть не всем приятны и понятны. Или такое качество нестандартной творческой личности: сомнение в

общепризнанных истинах и склонность к бунтарству. Чем все эти характеристики не Иван? На мой взгляд, просто автопортрет какой-то!

Его «творчество», нестандартность и в том, что этот человек не боится показаться нелепым, странным именно потому, что он не стандартен, не такой, как все. Эта непохожесть на основную массу людей, у многих вызывает раздражение и непонимание. Но это уже проблемы «этих» «многих».

МОЙ ВАЖНЫЙ СЛУЧАЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ЗАГЛЯНУЛА. ЗАЧИСЛЕНА

Много всего хорошего и разного случилось за студенческую жизнь: и полезного, и приятного, и сомнительно полезного. Но лучше сказать о жизни, которая на тот, уже совсем давний момент, носила недо- или предстуденческий характер.

Идет 2001 год. Конец лета. На здании университета плакат: «УрГУ — наш дом родной». Собеседование с абитуриентами на предмет «вменяемости-годности» к обучению.

Вроде бы четвертый этаж. Темно. Дверь в «собеседальную» комнату наглухо закрыта. Вокруг толпа взбудораженных уже практически студентов. Смотрю список с фамилиями на двери, за которой самое страшное. Вот радость-то, мое ФИО под номером 13, — «Не повезло», — сочувственно оказывают поддержку некоторые будущие однокурсники.

Сейчас думаю, спасибо, что мое имя было под этим номером, почему-то сразу появилась нагловатая уверенность и что-то похожее на «слабо?» Вот и проверим — думаю, — наоборот, может, это счастливое число, ну, а если нет, то хоть будет слабенькое оправдание — число ведь «корявое», да и особо сочувствующие из толпы опять же посочувствуют.

Прошло сколько-то времени — шагаю в неизвестность за ту самую дверь.

Собеседуют абитуриентов вдвоем: мужчина, всем своим видом внушающий уважение и личное понимание, что он сообразительнее, умнее, талантливее, чем я в миллион раз, и обаятельная женщина, которая на протяжении всего собеседования почему-то очень загадочно улыбалась. Теперь я понимаю, что это, скорее всего, была улыбка поддержки, но тогда в непроницаемых глазах первого интервьюера и джокондовской улыбке второго чувствовался какой-то заговор...

Да, тогда это были люди-загадки, теперь, просто — Дмитрий Леонидович и Элина Владимировна.

Выкладываю им все, что принесла с собой: материалы, характеристики, что-то там еще. «Это не надо, это тоже убирайте», — сообщает мне человек-загадка, а в миру Дмитрий Леонидович. «А это у вас что?» «Мои статьи» — необдуманно, но уверенно отвечаю (уверенности мне не занимать — я же № 13!) «Статьи?» — недоуменно, грозно и безапелляционно скорее не спрашивает, а опровергает все

тот же собеседник, — «Это не статьи!» «Извините, да, не статьи — материалы». «А почему под псевдонимом?» Запас моей уверенности уверенно начинает убавляться. «Ну, так почему вы хотите сюда поступить?» В ответ пытаюсь объяснить все причинно-следственные обстоятельства, по которым хочу поступить именно сюда, именно в этом году, сообщая, что хочу научиться писать материалы, чему здесь, скорее всего и учат. Зря так считаю. «Здесь не учат писать», — заявляют мне, совершенно сбив с толка.

Под конец беседы общение становится теплее, прощаемся: «До свидания» — «До свидания». Тут вспоминаю, что я же 13-ая — мне можно все, потому уже до неприличия спокойно спрашиваю: «А как вы думаете, стоит приходить на зачисление, я пройду?» Интервьюеры, мягко сказать, удивлены, но советуют заглянуть «на огонек».

Заглянула. Зачислена. Пытка окончена.

МОЙ САМЫЙ «ЛЮБИМЫЙ» ПРЕДМЕТ НА ЖУРФАКЕ

ПРЕДМЕТ ПРО РАЗНЫЕ «ШТУКИ», или БЕЗНАДЕЖНЫМ ГУМАНИТАРИЯМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Есть в учебном плане журфака один замечательный предмет. Предмет-то замечательный, но как я ни старалась вспомнить его название (дело было на 2 курсе), так и не смогла, то же самое сделали и мои сокурсники (то есть не сделали). В их глазах я видела оживающие мучительные картины былого, но вот название... Зато, могу сказать, что этот замечательный предмет «в народе» звался просто физикой.

Речь на таком предмете шла, как водится, о волнах, токе, устройстве антенн, микрофонов и подобных достижений цивилизации. Интуитивно я чувствовала, что «роман» с «любимым» предметом продлится несколько дольше, чем установлено учебным планом. А интуиция меня не подводит.

Потом, уже будучи на зачете, чувствую, что рассказ (я бы сказала эмоционально-окрашенная поэма) о первом микрофоне и его недостатках по сравнению с современным, вызвал у преподавателя нетерпеливое ожидание: когда же закончится поэма и начнется развернутое описание принципов работы микрофона? И оно по многочисленным преподавательским просьбам началось... Текст был примерно следующим: эта «штука» действует на «эту», посредством той продолговатой «штуки». Это описание в свою очередь я сопровождала жестами за неимением слов.

Последний вопрос преподавателя носил характер: жизнь или незачет и предполагал мой ответ о волнах. Когда я сказала о тех волнах, что это что-то неосозаемое, вновь сопроводив многозначительным жестом, экзаменатор снисходительно улыбнулся с высоты математически-мужского мышления и предложил встретиться вновь на том же месте, в тот же час, только уже с «хвостовкой».

Чтобы понять мои ощущения в тот момент, надо быть гуманитарием до безнадёжности...

По тревоге был «поднят» политехнически настроенный папа, а вместе с ним учебники по физике за 6–11 классы и книжка «Юный радиолюбитель». Когда

при переподготовке к зачету прочитала: «Конденсатор, включенный в цепь антенны, улучшает селективность приемника», — я поняла, что сдавать «физику» буду, как минимум, до пенсии.

В итоге, на пересдаче преподаватель сходу предложил рассказать то, что знаю хорошо. Моему ликование не было предела: я же владела знаниями из «Радиолюбителя» и особо хорошо запомнила материал про устройство биполярного транзистора (запомнила, видимо, потому, что эти непонятно-красивые слова элементарно внушали уважение!) Ключевыми терминами в тот зачетный день стали: электронно-дырочная проводимость, P-N переход, коллектор и эмиттер вместе с ними.

Уж не знаю, к счастью, к сожалению ли, но «любимый» предмет не оставил существенных отпечатков в долгосрочной памяти. Потому, при всем моем трепетном отношении к «физике», ни за что не смогу объяснить, что такое эмиттер.

Анатолий Ефремов

Кто? Валя Тетерин.
Что? Застрял в оконной решетке.
Где? В женском туалете на журфаке.
Когда? Два года назад.
Зачем? Пытался вылезти на карниз.
Почему? В туалете его заперли друзья.

ОДНОКУРСНИК, КОТОРОГО ХОТЕЛОСЬ БЫ ОТМЕТИТЬ.

ЗАПИСКИ ТРОЕЧНИКА

На самом деле, такого нет. Есть образ. Который можно примерить к десятку моих однокурсников, и они полностью заполнят его форму. И из-за моего неприятия данного образа я не могу остановиться на ком-то конкретно. Я просто не общаюсь с этими людьми.

Это гламурный, насколько позволяет определение это слова, образ. Образ человека, который, начитавшись умных и модных книжек, немедленно начинает растаскивать их на цитаты, которые потом начинает вставлять в свой разговор к месту и не к месту. И без разницы, будь то новая книга Пелевина или учебник по пиару. Одна — «для друзей», другая — «для преподавателей».

Обычно вокруг такого человека вертятся три-четыре «лоцмана», которых он милостиво принимает в свою «мафию», ибо на их фоне он выглядит невероятно умным и красивым.

Можно, конечно, утверждать, что им просто нравится учиться, нравится открывать что-то новое для себя, но увольте, журфак — это не то место, где можно учиться ради учебы. Если они обожают Шпенглера, то почему они не пошли на философский? На филологический, если им нравится писать? На искусствоведение, если они хотят попасть в ряды нашей богемы?

На мой взгляд, журналист — это ремесленник. Это не мыслитель и не всегда интеллектуал. Он обязан быть хорошо эрудирован, но ему меньше всего идет, закатив глаза, томным голосом сказать: «Перечитывал вчера Сартра, открыл для себя еще несколько новых идей». Но ведь Сартр не поможет написать материал по экономике. Сделать хороший репортаж, нарисовать «картинку». На мой взгляд, даже перечитав кучу учебников по журналистике, все равно в первый раз «на поляне» не сможешь применить свои знания, ведь настоящая, реальная жизнь не может

уложиться пусть даже в десять толстенных книжек. А задача журналиста — жизнь эту передать в полной мере.

САМАЯ НЕОРДИНАРНАЯ СИТУАЦИЯ НА ЖУРФАКЕ

Случилась она в общежитии. Люди пили пиво жарким летним днем. А к вечеру напились так, что решили идти продолжать к одному из них в комнату. Проблема была в том, что из четырех «компаньонов» в общежитии жили только трое. Четвертый был из педа.

Ну, что делать. На ночь никого постороннего якобы не пускают, тут на выручку им пришла студенческая смекалка. И решили они друга затащить по простыням.

Проблема усугублялась тем, что окна второго этажа открыть было невозможно, на первом — решетки. Поэтому решили тащить к знакомым на третий.

Сказано — сделано, да вот только «лифт» на подступах к третьему этажу «сломался». Гражданин сверзился с пятиметровой высоты. Товарищи его, как это дело увидели, прибежали, подняли его и уговорили коменду пустить их на ночь. Всю ночь они гудели, а на утро человек пошел в травмпункт. И там выяснилось, что у него сломано запястье и четыре ребра.

P. S.: А вот ночью он этого не заметил.

ПРЕДМЕТ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛОСЬ БЫ ОТМЕТИТЬ

Даже не предмет, а литературу по курсу «История отечественной журналистики новейшего периода». Какие лекции могут сравниться с прикосновением к истории? Ведь одно дело говорить: «Советская журналистика стопроцентно была идейной». И совсем другое — читать очерки Аграновского, фельетоны Нариньяни или Ильфа и Петрова. Аграновский даже про устройство реактивного двигателя пишет интереснее, чем Браун — про код да Винчи.

По своей неизменной вот уже пять лет привычке к экзаменам я начинаю готовиться за день-два до сдачи. И поначалу, увидев громадный список литературы по курсу, несколько испугался. А пару часов и пять авторов спустя сильно пожалел, что сел читать ее так поздно, потому что хотелось прочитать все, а времени практически не оставалось.

Но я дочитаю ее после сессии.

Мария Злоказова

Дата рождения — 22 июня 1984 г.

Кто? Муравей.

Что? Соломинка.

Когда? Утром.

Как? Усердно.

Почему? Потому что умища.

МОЙ САМЫЙ УШЛЫЙ ОДНОКУРСНИК, ИЛИ КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО?

Что я вкладываю в понятие «ушлый человек»?

Синонимы прилагательного «ушлый» — ловкий, проницательный, изворотливый, пройдошливый.

Для меня ушлый человек — это тот человек, который всякими различными способами стремится к своей определенной цели. Возможно, эти способы не всегда этичны, верны с точки зрения окружающих, но для ушлого человека это безразлично. Неважно, какими способами, главное — достигнуть поставленной цели.

Я не буду называть имя и фамилию этого человека. Назовем его господин N.

Главная цель для господина N — закончить университет. А для этого необходимо сдать все зачеты и экзамены.

Господин N очень редко посещает пары, не пишет лекции, не ходит в библиотеку и тому подобное. Он «деловой пацан». Ему немного некогда. Тем не менее, с первого курса он всегда сдает зачеты, экзамены довольно успешно. Может быть, господин N все схватывает налету и воспроизводит все начитанное, обдуманное на экзамене? Не похоже.

Тогда как ему это удается?

Скоро зачетная неделя. У господина N нет конспектов ни по одному предмету. Ничего, это ненадолго. Начинается процесс поиска людей, которые безвозмездно предоставят необходимые материалы. Если кто-то, не дай Бог, ксерокопирует лекции, то наш господин N уже стоит на ксероксе впереди всей толпы однокурсников и просит отксерокопировать все подряд. Примерно, это выглядит так: «Ой, а это случайно не лекции по Олешко? Можно мне экземплярчик... Ой, а это не конспекты по истории журналистики?...» После того, как конспекты добыты, приключения на зачете или экзамене. Бедный, бедный сосед господина N! По собственному опыту знаю. Не отстанет, пока не проконсультируется по всем вопросам билета, а то, что у тебя свой билетик имеется, не важно. Отложи все дела и посвяти немного времени господину N.

Затем ответ преподавателю. Главное — сделать вид, что ты все знаешь, что у тебя все «на мази». Пусть господин N порет всякую чушь, преподаватель лишь бы «три» поставил. И счастье, вот она очередная запись в зачетной книжке.

Иногда, честно, завидую некоторым способностям господина N. Почему-то у меня есть маленькая проблемка. Называется совесть. Например, не могу нагло врать преподавателю в глаза, делать вид, что не занималась весь семестр. А у кого-то это успешно получается. Что ж, главное — чтобы все у господина N и дальше получалось, только не за счет других людей.

САМЫЙ «ДВОЕЧНЫЙ» СЛУЧАЙ ИЗ МОЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ,
или Я И РОМАН ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

На втором курсе я не могла сдать один зачет. Предмет назывался история отечественной литературы. Фамилия преподавателя — Подчиненов, к сожалению, как зовут его — уже не помню. Период Тургенева, Чернышевского и т. д. Особенностью этого экзамена было то, что если не прочитать все произведения, которые тебе попадутся в билете, экзамен будет не сдан...

Готовясь к экзамену, я успела прочитать только половину всего списка произведений (параллельно мы изучали еще более огромный список по зарубежной литературе).

В первый раз, как часто и бывает, мне попались два произведения, одно из которых я прочитала, а второе нет. Точнее, я и второе произведение читала, но только в школе. Это был роман Чернышевского «Что делать?» Ясно, что мелкие детали я уже и не помнила.

Пересдача состоялась уже через несколько дней. За этот период список прочитанных мною произведений увеличился еще на одну четверть. Решила взять количеством и читала более короткие произведения. Представьте мое изумление, когда во второй раз мне попался опять этот же роман. К сожалению, за эти дни столь большой объем произведения мне было бы не осилить. Опять неудача.

Я ушла на осень. За два летних месяца прочитала весь оставшийся список, в том числе и роман Чернышевского «Что делать?» Слава Богу, в третий раз он мне не попался. А то я бы уже поверила в мистику. На третий раз я сдала.

Так Чернышевский заставил меня прочитать весь список произведений по курсу история отечественной литературы.

МОЙ САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ ПРЕДМЕТ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ,
или КАК МНОГО ЗАВИСИТ ОТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ!

Мои самые любимые предметы на факультете журналистики — русский язык, стилистика и литературное редактирование.

Оговорюсь сразу. От преподавателя, по моему мнению, зависит очень многое. Нам эти предметы преподавала Элина Владимировна Чепкина. Замечательный преподаватель: все четко и понятно излагает. Все определения, формулировки, понятия объясняет. Материал всегда структурирован, иллюстрирован. Всегда поинтересуется, понятен ли новый материал.

Наша группа, в отличие от всех остальных на потоке, всегда занималась у этого преподавателя. И также в отличие от всех остальных на потоке знала эти предметы. Очень часто к студентам из нашей группы обращались однокурсники с просьбой сделать за них ту или иную работу по стилистике, русскому языку, т. к. они ничего в этом не понимали.

Когда ты знаешь, предмет, он тебе и нравится. А нравится он будет только тогда, когда его красиво преподают. Очень многим преподавателям можно поучиться у Элины Владимировны мастерству преподавания.

Вероника Зырянова

- Кто? Зырянова Вероника, она же Вера, она же Ника.
Что? Сплошные амбиции.
Где? Родной журфак.
Когда? Больше нельзя расслабляться.
Как? Все близко к сердцу, иначе похоже на ложь.
Почему? Потому что могу только писать.

ДВЕ ПОЛОВИНКИ ОДНОЙ ВАЗЫ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭЛЬМИРЕ АХМЕТШИНОЙ

Здравствуй, родная! Верить, не верить, сейчас пишу про тебя. Вспоминаю наши похождения, экзамены, разговоры по ночам. И понимаю, что ревную эти воспоминания и не хочу, чтобы кто-то о них знал. Но ведь простишь, если я немного открою завесу?

Подобрать к тебе эпитет невозможно. Ты самая и все! Особенно, если слово должно отражать всю жизнь, прожитую вместе. Даже если эта жизнь очень маленькая, всего четыре года обучения в университете.

Нас сдружило не легендарное общежитие, и даже не традиционное распивание алкоголя на студенческих вечеринках. Кто-то считал, что не все так чисто, кто-то думал, что сестры. Их можно понять: одна на двоих парта, один на двоих «Тихий дон», одна комната, которую снимали. И за ужином споры о том, как писать о политике и кто завтра берет диктофон. Ты писала так ровно и тихо, я же эмоционально, сумбурно. Честно говоря, совместные работы получались у нас лучше всего. Да простят нас преподаватели.

Может и правду говорят, что журналиста может понять только другой журналист? Что компьютер нужно включить в три утра, что шпаргалки писать лучше одновременно. И когда одна из нас не спит вторые сутки, то вторая старается не лезть на глаза с подушками и одеялом. Сестры не сестры, но друг друга мы понимали.

Однажды ты назвала меня расколотой красивой вазой, с блестящими осколками, на которую лучше просто смотреть. Если пытаться найти недостающую часть, то непременно порежешься. Наверно только ты одна знала, как смягчить мои острые углы и спрятать пустоты. Потому что была точно таким же осколком.

МОЙ САМЫЙ... СЛУЧАЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

ВСЕ И ТАК ЯСНО

Интересно, все ли журналисты болеют синдромом чужой жизни? Пишешь о других, за других, для других и вдруг... напиши о себе. Напиши о своей студенческой

жизни! Так наверно чувствует себя блестящая монета. Ее выпустил на свет солидный банк и положил в кошелек к красивой леди. И монета с восторгом слушала голоса в большом магазине среди приятных запахов и ярких цветов. Детские руки меняли ее на мороженое в огромном зеленом парке. А потом ей повезло, и ее увезли за границу. Там она звенела среди сердитых центов и громкоголосых ливров...

И только попроси ее рассказать о жизни той женщины, и вкусах ребенка, о важной поездке того джентльмена...

А её просят вспомнить, что с ней делали до прибытия в банк, как выплавляли и давили рисунок!

Мяли, добавляли, убирали, лепили... Но до сих пор с дрожью вспоминаю момент, когда все заканчивалось. Защита диплома. Страшные слова для нервной системы впечатлительных журналистов.

Докажи себе и своим создателям, что не зря тратили время, что ты годен к тому, чтобы выйти свет! Непонятно чье разочарование страшнее — свое или преподавателей. И вместо положенных семи минут говоришь уже пятнадцать, и кто-то нашел опечатку в тексте и нахмурил брови. И тема заранее спорная, а я, как всегда, встаю в оппозицию.

Но ведь я то знаю, что мой диплом отличный!!! Что я ехала ради него на скандальное федеральное шоу, и видела то, что многие никогда не увидят. Я то знаю, что монета из меня уже получилась...

Дополнительные вопросы, сорванный голос, румянец, наверно, добрался до самых ушей. И окончательный вердикт рецензента: «Это тот редкий случай, когда мне нечего сказать. Все и так ясно».

Р. S. Мне поставили «отлично»!

МОЙ САМЫЙ КАТАСТРОФИЧНЫЙ ПРЕДМЕТ

Даже сквозь студенческую амнезию я буду помнить «теорию вероятности», точнее не название, а синоним ужаса. Никогда не забуду физику, и то потому что в этой женской армии не могла сдать и треть нормативов. Остальные предметы... остались в графе зачетной книжки.

И все потому, что журфак — это место скопления ярких людей. Там всегда все по-своему. Можно заполнять расписание лекций названиями, а читать их будут фамилиями. Можно диктовать условия контрольной, но проще назвать имя задающего. Чтобы понять, почему полкурса завалило предмет или сдали поголовно на отлично... словом, понятно, на кого нужно смотреть.

Для меня таким человеком «журфака» стал Дмитрий Леонидович Стровский. За его спиной стоит имидж политика, история журналистики, PR, бесконечные международные командировки.

Им пугают абитуриентов и рассказывают страшные сказки, про то как он закусывает заваленным пятым курсом и промывает второй на десерт. После сытного обеда он поет романсы будущим жертвам, чтобы они смогли понять дух журналистики XX века.

Легенда о «Катастровском» возникла не на пустом месте. Не могу судить объективно уже потому, что в свое время тоже попала под влияние таких разговоров.

Но весь его образ создан им же для того, что бы студент обратил внимание на то, что ему говорят. Ему не хочется подражать — такого ритма жизни просто не вынести. Не хочется заимствовать его стиль, хотя учебники читаются очень легко. Просто в один из моментов понимаешь, что мы учимся здесь для того, чтобы вот также упорно объяснить кому-то, что происходит вокруг. Если нужно — петь, если нужно — явить, если нужно — задать ненужный вопрос в самый нужный момент.

Но за такое мастерство придется платить. Спорный вопрос, легко ли быть «Катастровским»?

Яна Ильиных

Дата рождения 21 апреля 1984 г.

- Кто?** Я и мои бывшие однокурсники.
Что? Новый федеральный телеканал учредили и раскручиваем.
Где? В Москве или в Питере, наверное.
Когда? Не позднее, чем через 10 лет.
Как? Заработаем первоначальный капитал на всех местных телеканалах.
Почему? Мы такие разные, но когда мы вместе, то можем отлично работать.

САМЫЙ ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ В МОЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

КАК Я ПРЕПОДАТЕЛЯ ПОДКУПАЛА

«Девушка, как только прочитаете Гомера, Еврипида, Антиоха, тогда и приходите снова сдавать...» Первая сессия — а я ее уже два месяца закрыть не могу из-за этой Античной литературы. Родители платят за обучение — а я вылечу со свистом из универа.

«Янка, да ты чего расстроилась? Пойдем, выпьем чего-нибудь...» — подруга Яна права: в данной ситуации больше ничего не остается. Через полчаса жизнь не кажется мне уже такой серой...

«Девушки-красавицы, а вы не в УрГУ, случайно, учитесь?» «В УрГУ», — мы с Яной лучезарно улыбаемся. «А проблем никаких нет?» «Есть небольшие», — констатирую я, и улыбка постепенно сползает с моего лица. «Считай, что уже нет: я давно знаком с преподавателями УрГУ, сам здесь учился, сам преподавал... Люди мы небогатые. Думаю, она согласится поставить тебе “зачет” за пятьсот рублей».

Я, как девушка, регулярно читающая местную прессу, нисколько не удивилась предложению. Протягиваю ему свою зачетку с деньгами, а взамен получаю от дяденьки только номер телефона. «Созвонимся через неделю»... — на этих словах мы расстались.

Утром эта ситуация мне уже не казалась такой радостной. Зачетки нет, денег нет, знаний нет, и телефон у дяденьки не отвечает...

«Сегодня отчислили одну студентку за подделку документов: вот умная — взяла и подпись преподавателя сама поставила», — этими словами встречает меня Татьяна Алексеевна в деканате. «А я, собственно, зашла узнать, когда следующая пересдача Античной литературы...», — голос как-то странно дрожит. «Иди готовься, потом повешу объявление».

По коридору журфака иду совсем поникшая. И вдруг навстречу мне идет тот самый дяденька. «Надо срочно поговорить», — хватаю его за руку. Он смотрит так, как будто и не узнает совсем. «Отдайте мне зачетку, я пошла сдавать сама». «Какую

зачетку, девушка? Вы о чем?» «Которая у Вас в кармане» — достаю из его кармана целую кучу зачетных книжек и свою в том числе. Больше мне с ним разговаривать не о чем: в этот момент я уже твердо решила, что выучу и сдам этот предмет сама...

Через неделю я иду сдавать Античную литературу и улыбаюсь. Ведь у меня в кармане зачетка, а в голове масса интересной информации, которая, я уверена, пригодится когда-нибудь. А, если нет — не страшно. Ведь я извлекла из этого случая главный урок, который помог мне в дальнейшем обучении успешно сдавать все экзамены — надеяться нужно только на себя.

За это и деньги отдать было не жалко.

МОЙ САМЫЙ НЕОБХОДИМЫЙ ПРЕДМЕТ НА ЖУРФАКЕ.

КАК Я МЕНЯЛА СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕЛЮБИМОМУ ПРЕДМЕТУ
И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

«Я надеюсь, сочинения нас не будут заставлять писать. А то за время школьного обучения я, кажется, всю тысячу лучших сочинений из одноименной брошюры уже переписала», — думаю я, с готской глядя на расписание, в котором увидела название предмета — Русская литература.

Моя подготовка к школьному уроку литературы занимала десять минут и состояла из того, чтобы запомнить автора, название произведения и его главную мысль. На уроке я выше всех тянула руку и громче всех рассуждала о том, что я думаю по поводу данной проблемы. Учительница ставила хорошую четверку и объясняла это тем, что в моих размышлениях было мало опоры на текст. Таким образом, при окончании школы я получила очень хороший аттестат. И ни одной полностью прочитанной книги...

В первую же сессию я поняла, что надо менять мое отношение к литературе. И пошла к бывшей учительнице за книгами. Она сказала, что может мне помочь с учебными пособиями, с краткими содержаниями текстов и с биографией писателей. Насколько сильным было мое удивление, когда у нее дома не оказалось практически ни одной нужной мне книжки...

Однокурсники зачастую многие произведения русских классиков просто пролистывали — в школе же читали. Я, к моему глубокому сожалению, этого не делала: приходилось начинать все с самого начала.

«Ой, внученька, ты же ослепнешь... вот придумали обучение — образование. Я писать-читать умею и ладно: жизнь вон какую прожила», — подливает масла в огонь бабушка: «Оно тебе надо? Главное, внучка, замуж выйти удачно». Но через несколько дней застаю ее с книжкой Шолохова в руках. «Что это ты делаешь?» «Да вот взяла посмотреть у тебя — будто про мою жизнь пишет. Ведь все, как у нас раньше было. Ой, и хорошии вас книжкам учат...»

На очередной встрече выпускников в школе подхожу к своей бывшей учительнице по литературе. На ее вопрос, что же сейчас изучаем, отвечаю: «Я читаю избранное

собрание сочинений Максима Горького, но это потому, что мне нравится. А изучаем ОБЭРИУтов». «Кого-кого? А мне этот пролетарский писатель как-то не по душе...», — уже более тихим голосом говорит она.

На это я отвечаю только улыбкой. И понимаю, что за четыре года я прочитала, если не больше, то, пожалуй, столько же, сколько моя учительница за все время преподавания в школе. И сейчас на вопрос, люблю ли я русскую литературу, я отвечаю: «Если вы ее не любите, вы ее не знаете».

МОЙ САМЫЙ БЛИЗКИЙ ОДНОКУРСНИК.

КАК Я НАШЛА ОДНУ, НО ВЕРНУЮ ПОДРУГУ, И НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЮ

«Ой, а это мы по реке сплавляемся, а здесь на картошке песни под гитару поем», — доносятся веселые голоса из кухни. Это мама с подружками вспоминают по фотографиям свою студенческую молодость.

Они до сих пор наизусть помнят слова гимна своего курса и ежегодно собираются на поминки своего куратора, который погиб, кажется, лет пятнадцать назад. Они любят повторять, что самых лучших друзей можно встретить лишь в годы учебы, потому что потом зачастую люди будут общаться с тобой по необходимости...

Дождь начался именно в тот момент, когда я вышла из дома: прощай, моя получасовая укладка волос, прощай, макияж а-ля Мерлин Монро. Еще и маршрутка «заглохла» за две остановки до универа: бегу на каблуках по лужам — пара через пять минут начинается... Забегаю в аудиторию вслед за преподавателем.

«Я заняла тебе место за третьей партой, как всегда», — Оксана идет мне навстречу, мило улыбаясь. В ее руках я вижу зеркальце и расческу — то, что мне сейчас нужно. «Может, отпустите нас пораньше, одна пара сегодня...», — словно договорившись, вместе начинаем одну и ту же фразу.

«Мелочи», — скажете вы. Но из таких мелочей и складывается наша жизнь.

К двадцати двум годам я привыкла, как и многие, все решать сама. И если кто-то скажет мне: ты была неправа — я только рассмеюсь в ответ и скажу, что учусь на своих ошибках. Но, если я замечу лишь тень неодобрения в глазах моей подруги, то сразу меняю свою позицию. Потому, что доверяю ей, как самой себе.

Мы не сплавлялись по реке и не пели под гитару у костра. Мы даже не знаем имени нашего куратора. Но тем не менее нас объединяет многое — мы принимаем друг друга такими, какие мы есть. С этим человеком мне не нужно притворяться или улыбаться, когда грустно. А река, гитара и уж тем более поминки у нас еще впереди...

Валерия Исакова

Дата рождения — 23 апреля 1984 г.

- Кто?** Юля Козловская, Андрей Бронин, Вячеслав Макаров, Роман Казыханов, Анастасия Белоусова.
- Что?** Группа «Дэен Бу».
- Где?** В городе Екатеринбурге.
- Когда?** В 2003 году.
- Как?** Вот я, например, все время говорю, что пока плохо....дальше посмотрим.
- Почему?** Потому, что за это я тоже могу сказать журфаку «спасибо», потому что это моя жизнь.

МОЯ ЛУЧШАЯ ОДНОКУРСНИЦА

Есть ряд вещей, за которые я говорю журфаку «спасибо». Одна из них — моя лучшая однокурсница. Когда-то давно, уже не помню точно, мы встретились со студенткой первого курса факультета журналистики в дендропарке на Первомайской. На самом-то деле я хотела забрать у неё материалы по учебе, а забрала все, чем живу последние несколько лет. Вспоминая Набокова, она Юлия Козловская на работе, Юля из «Дэен Бу» в группе, Юлька в компании друзей и знакомых. За эти годы мы проговорили сотни часов по телефону, отослали друг другу десятки писем, сделали два арт-проекта, побывали, уже не помню, на скольких концертах, сдали 8 сессий. Экономя бумагу, я не буду перечислять, скольким вещам я научилась благодаря тому, что познакомилась с Юлей в свое время. Важно одно: если Вам говорят апельсин, вы думаете оранжевый, если мне говорят «лучшая», я думаю Юля.

МОЙ САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ ПРЕДМЕТ

Считается, что, выпускаясь из университета, мы выходим в самую настоящую, взрослую жизнь. Во взрослой жизни у каждого человека вроде как должны быть вполне четкие приоритеты, то есть должна знать, какой у меня был самый любимый и интересный предмет. Если так, то мне уходить рано, переводите обратно на первый курс. Бывало, что дух захватывало от того, что узнаешь, бывало, что, открывая для себя преподавателя журфака (или других факультетов) говорила: «Завалил (а), но он (она) просто офигенный!». Бывало, цитировала, бывало, не могла вспомнить названия. Бывало, вставала каждый четверг в 7 утра к первой паре, бывало ни разу не ходила... Вспомнить все не могу, не сказать о ком-то тоже не могу.

МОЙ САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Мне было лет 10, я смотрела как Сергей Доренко ведет новости на Первом канале. Потом пришла к родителям и сказала: «Мам, пап, я буду журналистом». Теперь я все время работаю, мучаюсь и хочу на Кубу.

Ольга Камчатова

О СЕБЕ

ТОЛЬКО ФАКТЫ ... И НИКАКИХ ШТАМПОВ))

От первого лица:

1. К счастью для меня самой и окружающих, родители отказались от первоначальных намерений и не стали делать меня изгоем или потенциальной звездой с редким именем Кирьяна, а назвали очень незатейливо, но со вкусом — Оля. Оцените:)

2. В моём возрасте эту чудовищную дату принято скрывать:) Но все мои щедрые покровители ежегодно 23 декабря могут особенно усердно осыпать меня подарками:)

3. В 1990 году заняла первое место на конкурсе красоты среди маленьких девочек «МИСС МАЛЬВИНА». И не убеждайте меня, что к этому причастны мои интриганы-родители!))

4. Мои жизненные условия не располагают к патриотизму:) И поэтому лет через пять вы сможете найти меня через Интерпол где-нибудь на побережье Персидского залива...)

5. Благодаря Интернету моя популярность среди завидных женихов Кувейта распространяется со скоростью атипичной пневмонии. Очень любопытно, что все старания для этого прилагают как доброжелатели, так и коварные злопыхатели:)

6. Ранее некоторые из моих многочисленных талантов были востребованы в информационном агентстве «Новый Регион». Теперь любой желающий за определённую сумму тоже может их востребовать.

Результаты весьма спорных тестов:

Вы человек эмоциональный, с твердым, настойчивым, очень агрессивным характером. Вы способны к кокетству.

Часто колеблетесь, прежде чем принять решение.

Ярковыраженный экстраверт.

Эмоционально неустойчивы.

Очень искренни.

*** — любимый цвет людей, обладающих интуицией, и страстных мечтателей.

Правда, согласно геральдике, этот цвет означает лицемерие и притворство.

Относительно постоянные координаты в пространстве и времени: телефон (+7 922 207 15 49), e-mail: mistress@r2b.ru

САМЫЙ БЛИЗКИЙ ПО ДУХУ ОДНОКУРСНИК

Моя жизнь полна парадоксов. Очередной из них — это Вишня. Или Ксюша Вишнякова (21 год, не замужем).

Я обратила на неё внимание ещё на первом курсе — не обратить внимание на Вишню было бы сложно. У Вишни чудесные кудрявые волосы, красивые глаза и головокружительное чувство юмора. Именно оно и стало причиной моего отношения к Вишне как к близкому по духу человеку, и только потом выяснилось, что у нас есть общая губительная страсть — компьютеры и Интернет. Недавно выявили, что помним коды для первой игры DOOM — «IDDQD» для бессмертия и «IDKFA» для бесконечного количества weapons. Игра вышла в 1992 году или где-то близко к этому времени. Поудивлялись, сколько мусора хранит наш мозг — пора чистить «винт». Зато очень трогательно вспоминать такие вещи.

Для меня чувство юмора — важный показатель адекватности человека. Как утверждал Ницше, сильнейший признак отчуждения во взглядах двух людей состоит в том, что оба говорят друг другу иронические вещи, но никто из них не чувствует иронии в словах другого. Вот именно с таким положением я столкнулась, придя на журфак (ММР). Я ожидала встретить единомышленников, а обнаружила людей, совершенно не похожих на меня, более того: людей, которые в общей массе мне были не очень приятны.

С Вишней же я могу шутить и шутить. Более того, Вишня шутит в ответ!))

Парадокс же заключается в том, что, несмотря на всю близость нашего образа мыслей, мы с Вишней общаемся крайне редко и лишь эпизодически. Скорее всего, это происходит из-за того, что я с первого курса начала работать — то есть, почти не появлялась на лекциях, и поверила в безнадежность своих однокурсников — даже не пытаясь налаживать с кем-то коммуникацию. Мой лучший друг учился со мной, ещё была бывшая одноклассница, так что особого недостатка общения в периоды моих редких визитов в Университет я не испытывала. С Вишней тоже училась её подруга, я видела, как они общаются, и это напоминало мне моё поведение с друзьями.

После четвёртого курса, закончив отделение менеджмента, маркетинга и рекламы, я стала учиться на основном журфаке. Бывших студентов ММР оказалось немного, среди них была Вишня. К четвёртому курсу, конечно, у меня уже появились хорошие знакомые среди однокурсников — и в том числе на журфаке, — но они все, как и я, работали, поэтому встречались мы чаще в неформальной обстановке и на экзаменах, нежели на лекциях. Вишня тоже работала и стала реже появляться в Университете. На мой взгляд, это как-то нарушило её дружеские отношения, которые я могла наблюдать на первом курсе. Возможно, были и другие причины...

Так или иначе, до пятого курса наше общение с Вишней не выходило за стены Университета. Сейчас она бывает у меня на сайте и оставляет сообщения в гостевой книге: «Сменилась картинка на главной странице! И текст тоже. Неужели Оля посетила свой сайт?! И она пишет, что у неё работает почта. Странно всё это.... Короче, Ропу, нужно срочно делать уроки по Барановой, Лозовскому, Стровскому, философии и Макушину!!!!!!!!!!!! Я ни*** не сделала ещё! Ты, думаю, тоже. Так что пишу тебе, чтобы ты поняла, что осталось до ужаса мало времени. И что не стоит больше менять картинки и текст на главной странице до сдачи сессии. Поняла?! Нет?!!!!!!!!!!!!!».

Я обещала в подарок на Новый год связать ей зелёный шарф — до сих пор не выполнила обещание, но до конца сессии обязательно это сделаю.

Возможно, моё восприятие Ксюши Вишняковой выглядит очень поверхностным, но добавляя в описание факты из жизни — например, что Ксюша водит машину или что я ей однажды доверила свою камеру — я не внесу ничего значительного в её портрет, потому что самое значительное для меня в Ксюше — это тот дух, который пытались уловить импрессионисты.

Когда я представляю себе Вишню, я вижу, как она улыбается.:)

САМЫЙ ПОСЕЩАЕМЫЙ ПРЕДМЕТ

Как ни странно, это даже не основная дисциплина, а спецкурс — гендерные технологии в СМИ. Всё дело в том, что из-за работы мой график на четвёртом курсе складывался таким образом, что я могла посещать только несколько пар в неделю. И этими парами оказались «гендерные технологии». Потому что мне данная тема была не просто интересна — она задевала меня за живое! За то живое, что ещё не было уничтожено теорией журналистики....)

Как часто приходилось мне подписываться мужскими именами, когда я писала в журналах, скажем, про высокие технологии, — знают только редакторы этих изданий. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, почему я выбирала мужские псевдонимы. И почему на выборах кандидаты-женщины набирают стабильный процент голосов, но выигрывают их крайне редко, я тоже знала. На этом для меня утилитарное использование мужского и женского заканчивалось.

Когда я пришла на пару, я поняла, что проблемы гендера волнуют почти исключительно лучшую половину студентов — то есть, женскую...)) Мальчиков было, по-моему, двое. По словам госпожи Шабуровой, читавшей нам курс, в прошлом году их не было вовсе, так что наметилась положительная тенденция. Но регулярно посещал занятия только (накануне женившийся) Дима Столяров... Второй мальчик, видимо, был с нами мысленно. Такой интерес со стороны девочек к гендерным технологиям выглядел по меньшей мере симптоматично...)

Я ждала от лекций раскрытия секрета неких «технологий», но получила краткую историю гендера и отражение гендера в СМИ — что было, по большей части, довольно интересно. Наверное, основным привязывающим фактором, помимо материала,

являлась чудная атмосфера лекций. Наш небольшой очаг феминизма во главе с Ольгой Викторовой пытался смириться с тем, что мы живём в мире, созданном мужчинами для мужчин, а ничто так не объединяет, как общие проблемы...)

Я в расстановке сил в борьбе полов, в общем-то, никогда не сомневалась, поэтому всегда жалела, что не родилась мальчиком, но выяснилось, что кому-то из девочек курс открыл глаза на действительность.

Неприятно удивлял один пункт — при употреблении преподавателем термина «мачизм» (название явления, произошедшее от слова «мачо»), некоторые девочки (умницы-отличницы) начинали глупо хихикать и обнаруживали богатые знания сомнительных афоризмов, зачитываемых Н. Фоменко по «Русскому радио». Мама-мня! Что это? Наивность или низкий уровень культуры? Я краснела от стыда за своих т. н. «коллег», а госпожа Шабурова как-то неуверенно улыбалась.

Формой отчётности являлся доклад на любую из рассмотренных тем. Мой был на тему современных гендерных мифологий, и рассказывала я о феномене блондинки. Что было крайне актуально — я проводила испытания на себе. Как раз незадолго до начала занятий в Университете я перекрасилась из цвета «горький шоколад» в «платиновый блондин», что практически сразу же сказалось на многих аспектах моей жизни. Тем, кто не был Белоснежкой, а потом сразу же Снежной Королевой, не понять моих ощущений...)))

Я немного опоздала на пару и появилась в аудитории почти с музыкой — грохоча, упал стул, подпиравший дверь. В это время как раз зачитывался другой доклад про блондинок, а конкретнее — слова о том, что «традиционно считается, что блондинки — глупые». Вся аудитория с улыбками смотрела на моё фееричное появление.

Как назло, за день до доклада я простыла и у меня почти пропал голос, так что свой взгляд на проблему, что называется, «изнутри» я излагала почти шёпотом. На словах «вы рискуете сорвать голос в попытках достучаться до человека, в то время как он будет просто замороженно смотреть и улыбаться» никто даже не считал нужным сдерживать смех...)) Видимо, предполагалось, что мой голос был потерян именно в неравной схватке с эстетами-знакомыми...)))

Грело душу знание того, что Ольга Викторовна использует наши материалы в проведении следующих спецкурсов, что все эти работы не просто для того, чтобы мы отчитались о прослушанных лекциях. До сих пор, встречая тот или иной материал на тему гендера, я порываюсь отнести его Шабуровой. Даже есть специальная папка в компьютере. Наверное, когда-нибудь я её этим всё-таки осчастливаю. ;)

САМЫЙ ЗАПОМНИВШИЙСЯ СЛУЧАЙ

Действующие лица:

Оля Камчатова, студентка журфака, бывшая студентка ММР.

Владимир Фёдорович Олешко, зав. отделением ММР, зав. кафедрой периодической печати, доктор философских наук, профессор.

Людмила Семёновна Мальцева, любимый всеми методист ММР.

День рождения

Как-то осенью Оля пришла в Университет, чтобы что-то узнать. В коридоре она встретила Владимира Фёдоровича, который, по-отечески слегка приобняв Олю за плечи, начал интересоваться её делами, а потом, предчувствуя, что разговор будет долгим, пригласил Олю в деканат.

Когда Оля зашла в деканат, первое, что она услышала — громкие звуки классической музыки. Первое, что Оля увидела — наполовину пустую бутылку виски «Джонни Уокер Рэд Лэйбл». Бутылка стояла среди бумаг в центре стола Владимира Фёдоровича. Повернув голову, Оля увидела рыдающую Людмилу Семёновну с маленьким зеркальцем в руках. А в это время идущий позади Владимир Фёдорович, ещё не видя открывшейся Оле панорамы, радостным голосом говорил: «А у Людмилы Семёновны сегодня день рождения!!!»

От такой картины Оля застыла на полпути к шизофрении в попытках понять, что же всё-таки происходит и почему дорогая и любимая Людмила Семёновна в день рождения обливается слезами. Владимир Фёдорович, войдя в комнату, первым делом устремил свой взор на бутылку виски и сделал удивлённое лицо: «А это ещё что у нас тут такое?» — и убрал неопознанный объект к себе в шкаф... «Видимо, позже будет идентифицировать», — подумала Оля. «Садитесь, Оля, что же вы стоите?.. Людмила Семёновна, что случилось?» — Владимир Фёдорович тоже был несколько растерян. «Я... Я стихотворение прочитала...» — сквозь слёзы сказала Людмила Семёновна, сделав музыку чуть тише, чтобы был слышен голос.

Выяснилось, что Владимир Фёдорович подарил Людмиле Семёновне на день рождения книжку со стихами. Не со своими, но, тем не менее, очень трогательными.

Успокоившись, Людмила Семёновна прочитала то, которое её особенно задело. Заканчивалось оно словами: «Люся сказала: "Люблю!"»

Виктория Княйкина

Дата рождения — 11 января 1982 г.

Кто? Я, пятикурсница журфака.

Что? Иду по коридору, увешанному стенгазетами.

Где? На четвертом этаже Уральского университета.

Когда? Когда все лекции и семинары уже позади не потому, что конец учебного дня, а потому, что их больше никогда не будет.

Как? Я иду по коридору, который стал мне вторым домом. Пять лет — не такой уж и малый срок — все в моей жизни мерилось университетом. Если я искала квартиру, мне было важно, как далеко она была от УрГУ. В планах почти каждого дня значилось: забежать в университет. Туда «забегали», даже когда не было занятий — в выходные, на каникулах, летом. «Забегали», чтобы встретить знакомых, которых за пять лет накопилось очень много на каждом факультете, чтобы поговорить с однокурсниками, посмотреть, что нового висит на журфаковской доске объявлений. «Забегали», чтобы просто так, вот как я сейчас, пройти по знакомым коридорам, подышать университетским воздухом.

Сейчас я прихожу на факультет и вижу очень много незнакомых мне лиц. Все это первокурсники — поколение, которому я должна уступить дорогу. Они все время суетятся и считают себя очень важными персонами. Одна девушка развзяно меня окрикивает: «Эй! Ты же с первого курса, да?» «Нет. С пятого», — я смотрю на неё в упор, и мне как-то приятно становится оттого, что заносчивое выражение лица сменяется кротким взглядом, в котором читается детское «вот это да!»

Все студенты первого курса очень гордятся, что поступили на журфак. У пятикурсников этой эйфории уже давно нет, но для нас факультет значит намного больше. Здесь «стены говорят». За каждой дверью — аудитория, и с каждой связаны свои воспоминания и истории. Иногда очень комичные: как-то раз в 438-й я нашла под партой две бутылки водки — такое могло случиться только у нас...

Я понимаю, что через несколько месяцев выпадут из этой бурлящей журфаковской жизни. И мне напрашиваются избитые до боли слова «как быстро пролетело время».

Почему? Потому что, не смотря ни на что, я выдержала все эти пять лет, которые на первом курсе казались мне неизмеримо большим сроком. Я сдала все свои экзамены, написала все рефераты, защитила все курсовые. Правда ожидаемого облегчения почему-то не наступает, но, наверное, ещё просто не время.

МОЯ САМАЯ ОПТИМИСТИЧНАЯ ОДНОКУРСНИЦА

— Лесь, а Лесь! Не хочешь быть старостой? Не хочешь, да?.. Ксюш, а Ксюш! Не хочешь быть старостой? Нет? Вика! Ты старостой случайно не хочешь быть? Тоже не хочешь...

Староста нашей группы Лида Кривых стояла посреди аудитории и окликала. Почему вдруг Лида решила сложить с себя полномочия мне не известно. Однако

положительного ответа на свой вопрос она так и не дождалась (ещё бы). Поняв, что «спихнуть» кому-то свою почетную должность — неудачная затея, Лида изобразила на лице мину, которую словами можно было бы описать как «Вот, блин!»

Все пять лет учебы Лида — неизменная староста нашей второй «телевизионной» группы. И кого-то другого представить на этом посту очень сложно. И она, на мой взгляд, замечательно исполняла эту роль. Организаторский талант, ответственность, заботливость — я не хочу судить о наличии у Лиды этих типичных для хорошей старосты качеств, потому что мы любим и ценим её совершенно не за это.

Наша староста — человек удивительного положительного заряда. Мне сложно придумать повод, по которому бы Лида действительно по-настоящему расстроилась. И дело тут не в отсутствии впечатлительности. Просто она всегда готова рассмеяться в лицо любым трудностям. И, как бы тяжело не было, у Лиды всегда находились силы шутить, а это качество очень ценно. И главное, она всегда умела от души посмеяться над собой.

Её смех — действительно искренний, веселый и чистосердечный. Это смех — не потому что немного грустно, не потому, что надо смеяться, а потому что действительно смешно. И не заразится таким смехом просто невозможно. Иногда на парах вся наша группа просто надрывала животы, а в тяжкие времена сессии Лида заряжала всех своим оптимизмом.

Ещё Лида покоряет своей прямоотой. Она говорит о вещах так, как их видит, без жеманных недомолвок и отводков глаз. И стоит заметить, что мир она отображает чаще всего адекватно. Небольшая порция такой прямооты, на мой взгляд, мало бы кому повредила.

Говорят: будь проще, и люди к тебе потянутся. Лида действительно умеет быть простой, умеет увидеть простое в очень сложном. Поэтому с ней легко найти общий язык любому человеку. А не это ли самое важное для старосты?

Жалко, что старостам не ставят оценки. Иначе, я уверена, у Лиды в дипломе прибавилась бы ещё одна пятерка. За то, что не была занудливой, за то, что не стремилась во всем быть правильной, за то, что так соответствовала духу нашей безбашенной группы.

МОЙ САМЫЙ ПРАЗДНИЧНЫЙ СЛУЧАЙ ИЗ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

У меня день рождения 11 января. Мне всегда казалось, что это очень неудобно. Сколько себя помню в школе, именно в этот день заканчивались новогодние каникулы, и вместо праздника меня ждал первый день учебы. Поступив в университет, я было обрадовалась, что наконец-то смогу отмечать свой любимый день в году, как захочу. Но не тут то было. Как я узнала на первом курсе, мой день рождения теперь будет приходиться не то что на начало нового семестра, а на самый разгар зимней сессии — тяжелейшее время для студенческого люда.

Перспектива не слишком радостная. И уже первая сессия стала подтверждением. Прямо в мой день рождения нашей группе поставили экзамен (не то чтобы сложный,

но на первом курсе все было нелегко, потому что в первый раз). Мы должны были сдавать дисциплину «Технология работы журналиста», которую у нас вёл сам декан.

Утром в день экзамена у меня было прекрасное, можно сказать, боевое, настроение. Я приехала в университет ровно к девяти.

За минуту до начала экзамена я подхожу к дверям аудитории. Меня догоняет Борис Николаевич с пачкой экзаменационных заданий. И вот мы вместе входим...

А там — «Вика!!! С Днем Рождения!!!» Девчонки из нашей группы бросились ко мне, как только я появилась в дверях. Меня «со всех сторон» стали поздравлять, подарили открытку, шоколадку, и что-то много и громко желали. Сюрприз удался.

Как только я вышла из оцепенения, оглянулась назад: все это время Борис Николаевич (который зашел сразу вслед за мной) стоял в дверях, удивленно наблюдая это совершенно неэкзаменационное веселье. «Я тоже присоединяюсь», — сказал декан в своей характерно строгой манере и пожал мне руку.

Было предложено начать наконец экзамен, но не тут то было. Передо мной вдруг выросла грудa чего-то яркого, цветного и радостного.

— Воздушные шарики! Ровно 17 — посчитай! А вот этот 18-й ты должна надуть сама!!! — мне протягивают ярко жёлтый шарик.

— Прямо сейчас?

— Конечно! Давай!

Картина была примерно такая. Экзамен. Все потихоньку пишут ответы на вопросы. Я сижу на первой парте, вокруг меня колышется огромная разноцветная гроздь. И вот в воцарившейся тишине я начинаю надуть последний восемнадцатый шарик. Мои подруги оглядываются, мол, давай-давай, молодец. А Борис Николаевич все это время не спускает с меня глаз.

— Именинница! Давайте-ка уже заканчивать с этим. Дайте мне сюда, — он подошел ко мне и забрал охапку шариков, — Ну, чтобы не мешало...

Декан стал крепить шарики к какому-то гвоздю на стене. По неизвестной причине один шарик вдруг оглушительно лопнул... Мы ещё очень долго вспоминали испуганно-виноватое лицо Бориса Николаевича, который стоял с грудой шариков и все повторял: «Это не я! Это не я!»

В общем... Я хочу сказать огромное спасибо тем людям, которые подарили мне такой замечательный сюрприз. Это был самый неожиданный подарок на день рождения и, пожалуй, самый запоминающийся экзамен.

МОЙ САМЫЙ НЕОБЫЧНЫЙ ПРЕДМЕТ

Спецсеминар «Драматургия на ТВ» был предложен нам на третьем курсе. Кроме многообещающего интересного названия в расписании стояла фамилия Афонинной, и для многих последнее стало решающим при выборе предмета.

Аида Валентиновна пришла на первую пару с небольшим опозданием и стала шутливо сокрушаться по поводу того, что спецкурс поставили первой парой

(видимо, ей тоже нравится поспать подольше). Мы также посетовали на недосыпание, и Аида Валентиновна решила: раз уж нам всем суждено по средам так рано вставать, то будем на парах пить кофе. Мы согласились, но, честно говоря, сначала подумали, что она пошутила. Каково же было наше удивление, когда на следующей неделе под конец семинара преподавательница вышла и вернулась в аудиторию с горячим чайником и банкой кофе в руках...

Так проходили наши семинары. В приятной дружественной обстановке, за чашкой горячего ароматного кофе. Мы смотрели записанные Аидой Валентиновной телевизионные передачи и документальные фильмы, обсуждали их драматургию, спорили о достоинствах и недостатках работы авторов. Это нельзя было назвать лекцией или семинаром, это была беседа, познавательная и интересная.

После окончания пары я уходила из 026 аудитории, как откуда-то «из гостей». Аида Валентиновна всегда очень доброжелательно, как-то по-домашнему тепло прощалась с нами. А потом я поднимались из ТСО на четвёртый этаж и думала, как это все-таки здорово, что день начинается с таких теплых дружественных встреч.

Дата рождения — 29 июля 1984 г.

Что? Отмечала пропуски в журнале.

Где? Сидя на кровати в профаге (шла пара соцпсихологии).

Когда? На втором курсе до перевода.

Как? «Тааааак, кого у нас сегодня нет?» «Я... я есть... тааак... этот есть, этот есть... Вахрушев? вот его нет точно, че он на Чапаева поедет...»

Почему? Потому что ответственная староста всегда знает, кого нет на паре)))

Летом 2001 года я отправилась сдавать экзамены одновременно на 4-й этаж универа (ясно, куда) и на 3-й — на философский факультет. На чем основывалось это желание, честно говоря, я уже не могу вспомнить. Будучи несчастливой обладательницей пятерочного школьного аттестата, я поступила на оба факультета после первого экзамена. И, разумеется, начала мучаться вопросом — куда же двинуть. Впрочем, наиболее привлекательным, как ни ужасно, на тот момент представлялся третий путь — никуда.

И вот я пришла на разбор изложений на журфак. У входа в аудиторию стоял чудесный мальчик — высокий, с копной кудрявых волос, с неотразимой улыбкой, в белоснежной рубашке с галстуком и... в широченных штанах чуть ниже колена. Потрясающе! Разумеется, я была убита наповал. Только что я поднялась с третьего этажа, где мне повстречались, преимущественно, личности весьма скучного вида. И моя судьба была решена.

Мальчика звали Женей, фамилию я его не помню. Я отчаянно строила ему глазки на лекциях, звала гулять и т.п. А он все время общался с некоей агрессивной особой из моей же группы, меня всячески игнорируя. Особа эта меня невероятно заинтересовала, и я думала, что познакомившись поближе с ней, я смогу добраться и до Жени.

Лера самый близкий для меня человек вот уже больше 4 лет. А Женя? Кажется, его отчислили после первого же семестра.

МОЙ САМЫЙ ТАЙНЫЙ СЛУЧАЙ ИЗ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Я отказываюсь давать показания, имея право не свидетельствовать против себя. Не могу сейчас, в данную минуту времени в данной точке пространства, вспомнить что-нибудь смешное, или трогательное, или хоть что-нибудь кроме того **ОДНОГО**, что лезет ко мне в голову. Если отвечать по-честному, про **САМЫЙ**, то подходит только это. Но рассказать всем я не могу. Скажу лишь, что это самое

МОЕ, самое определяющее, что со мной случилось, и этот САМЫЙ СЛУЧАЙ
лишний раз доказывает, что в жизни все-все связано, все-все предопределено, а
журфаку все равно отдельные респекты.

МОЙ САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ ПРЕДМЕТ НА ЖУРФАКЕ

Сидела на работе и ругалась. Мол, учеба эта — сил уже нет. Писала очередное
эссе или что-то там еще и думала.... И зачем придумали сессию? И зачем
придумали 5 курс? Зачем придумали рефераты?

Потом пошла в универ. Уже вечер был, пусто в коридорах. Подошла к
расписанию. И грустно так стало — вдруг... Подумалось — вот и все
(преждевременно, конечно — а сессия? а госы? а диплом?)... нет, не по поводу
того, что кончились студенческие годы, надо прощаться с универом и т. д.
Подумалось другое: эх, черт, так и помру теперь душой! Каждый семестр я начинала
с обещаний: все, пА-любому, буду на лекции ходить.

А тут, подойдя в очередной раз к расписанию, я обнаружила: а все. Последняя.

Денис Колчин

Кто? Я.
Что? Все.
Когда? Сейчас.
Где? Здесь.
Как? А вот так.
Зачем? Разве не очевидно?

САМЫЙ «НУЖНЫЙ» ПРЕДМЕТ

Помнится (да и забудется ли вообще?) на втором семестре второго курса нас решили осчастливить высшей математикой. «Радость» приваливала каждый понедельник, три месяца подряд. Олицетворял ее некий товарищ Горшков, имя-отчество вылетело из головы, с какого-то мудреного факультета. Поначалу этот вихрастый, с проседью, дядька всех, откровенно говоря, очень смешил. Ну, еще бы. С таким рвением пытался он посеять в гуманитарных мозгах алгебраические истины, что мы диву давались. Широко улыбались, игнорировали, «кружковались» по интересам, а мужик не переставал, по-моему, искренне верить в существование у граждан Российской Федерации от мала до велика категорической потребности в теоремах и формулах. Переубедить его было невозможно. «Поползновения» в данную сторону встречались недоуменным взглядом ретивого препода, или бурными речами, сводящимися к тому, что, мол, позор вам.

Однажды мы чуть не потеряли нашего упряма. В смысле — сей ученый муж оказался рядом с той заветной чертой, за которой начинается вечность. Харон постучался в аудиторию прямо во время пары. «Учителя» скрутило не по-детски. Позже выяснилось — астма. Он как-то неестественно уселся на первую парту, лицом к доске, спиной к студентам. В воздухе раздались странные звуки. А журналистам — до лампочки. Подумали — дурачится кто-то. Некоторые индивидуумы, особо веселые, принялись передразнивать. Не догадывались ведь о сути происходящего. Дразнились-дразнились, вдруг, смотрим, а Горшков-то — ни гу-гу. Замечаний, сердешный, не делает. Молчок. Тут уже раскумекали. Взялись в чувство приводить. Перед глазами у него пощелкали. Реакция — ноль целых, ноль десятых. Страшно, не понятно. Девчонки давай окна открывать. Пацаны за «скифами» (охранники) побежали. Возвращаются, а евклид уже без пиджачка по аудитории туда-сюда рассказывает, со словами: «Так. Немного отвлеклись. Продолжим».

Как сдавали? Еле-еле. С горем пополам. Кто списывал, кто шибко умных друзей смог протащить. А еще под дверью сидел здоровенный мальчик и за сто рублей решал задачки желающим. «Челобитные» таскали когда седеющий пифагор удалялся поглощать тортик в компании заранее подговоренной нами преподавательницы русского языка. У бугая на парте целая стопка листов образовалась. Я чего-то накарябал, пока да списывание, по причине абсолютного профанства в математической сфере, являлось бесполезным, знакомыми ковалевскими не обзавелся, на специфические «услуги» денег с собой не было. Впрочем, все равно, наверное, не побегал бы. Слишком гордый... Короче — завалил. И следующий раз. И третий. И четвертый.

Number five состоялся осенью. Навсегда зафиксировал: с 12:00 до 16:00 «парил» должников супер-принципиальный кадр. От кого-то слышал — матмех им доволен. Ага. Рыбак рыбака видит издалека. Когда вышеописанные «мучения» только стартовали, Горшкову задали вопрос: «А что ждет не сдавших зачет?», он, с гордым видом, вымолвил: «Отчисление». Мне кажется, если бы кого-то все-таки выгнали по вине этого чуда... Ладно. В конце концов, никто из нас ни какой посудой не накрылся в те дни.

БАБУШКА В КРАСНОМ

На первом курсе madame Вяткина поставила перед новоиспеченными студюузами... важную задачу — каким-нибудь захватским образом простебать городской народ. Чем круче — тем лучше (по крайней мере, нам так показалось). Нужно ведь помаленьку расшевелить вчерашних школьников, дабы они не комплексовали и свободно чувствовали себя в социуме. Каждая группа осуществляла свой «единственный и неповторимый» проект. К сожалению, 103, в мое отсутствие, выдумала чепуху с потерявшимися котятками, или что-то в этом духе. Словом, ни капельки не смешно, даже — натянуто. Типичный плоскошуточный «Ералаш». «Звездная» идея обнаружилась совершенно неожиданно.

Через несколько дней, повстречав одноклассницу, милейшую девочку, Веру Морозову, я поинтересовался — чего, собственно, сочинили? Вера поведала о «кошачьем» замысле. Я сказал: «Что за хрень? Пусть, лучше, кто-либо встанет напротив Оперного театра с плакатом «Требуется киллер». Будет куда веселее». Ляпнул и забыл. Утром являюсь в универ. Снова вопрошаю — как дела, граждане? Довольные граждане разворачивают передо мной полотно, где-то метр на ноль пять. Там жирными черными буквами — «Найму киллера. Дорого». Лепота. Я: «И кого же выполкнем на арену?» Они: «Ты придумал, тебе и флаг в руки». Совсем хорошо...

Вышел я с этим «полотнищем» перед Оперным. Цель — «зацепить» какого-нибудь прохожего, уговорить его постоять с плакатом, пока «позвонить сбегаю». Минут через пять удалось «выудить» бабу в красном плаще. Полагаю, со зрением у нее было далеко не все в порядке, так как старушка без колебаний согласилась помочь. Я — в укрытие, за театр. Стою, выглядываю. «Божий одуванчик» исправно держит ватман. Обстановка — чики-пики. Екатеринбургский люд преимущественно

шарахается. Здесь начинается «вторая часть Марлезонского балета». Роль наемного убийцы исполнял Толя Ефремов, заядлый рок-н-роллышник, юноша ростом под два метра, телосложением — Илья Муромец, бритый наголо, с рыжей бороდიщей. Потягивая баночное пиво, он медленно направился к бабушке. Та, видимо, уже расчухала что к чему — надпись прочла, узрела мрачноватого типа, приближающегося к ней, и... заметалась из стороны в сторону. В конце концов, бросила «скорбный стяг» наземь и улепетнула.

Затем с плакатом маленько «поотсвечивали» девчонки, к ним подвалили двое прыщавых, скорее желающие закадрить наших привлекательных «юнкоровцев», нежели наниматься в ликвидаторы. Отвалили. К слову — не перевелись на Руси сознательные человеки. Кто-то «стукнул» в милицию, что в самом центре родного мегаполиса честным россиянам предлагают «замарать руки». Примчалась машина с мигалками. Товарищ сержант изъяс главную улику (быть может, у себя в отделении повесил). Пожурил — мол, за такое в легкую пятнадцать суток получить. Мы, конечно, объяснили причины несанкционированного мероприятия. А госпожа Вяткина на последней паре выразила нам свое неудовольствие, и, в порыве эмоций, сказала, что это первый случай, когда на журфаковцев ОМОН (!) примчался. Ну, вот и прекрасно.

НАДЕЖДА РУССКОГО РОКА

Из всего множества колоритных личностей, обучавшихся в стенах журфака набора 2001 года в первую очередь я буду помянуть хорошим словом неизменного Толю Ефремова. Так получилось, что этого человека мне довелось узнать больше, нежели остальных — имеющий свое мнение и умеющий его защищать, добрый, помоему — не редко старавшийся спрятать сие качество под маской стебущегося циника, легко сходящийся с другими людьми, частенько «гвоздь программы» (от него — обязательный анекдот в холодной раздевалке после баскетбола), из официального — гитарист, лидер местного рок-коллектива «Амарула». Вообще — никогда и ничем не кичившийся на пустом месте. Да и понятие «пустое место» к нему неприменимо — ни физически, ни морально, ни творчески. Толя на пару лет старше многих сокурсников, но разница не ощущалась. «Есть ли у него амбиции?» — задавал я себе вопрос. Со временем пришел к выводу — есть. Иное дело — Толя не афишировал их. Мне думается, он из тех людей, которые добиваются своего предварительно подготовив серьезный плацдарм, а не бросаясь в бешеную атаку с ходу. Идеальным студентом, конечно же, он не являлся — любитель драбальзнуть, нерегулярно посещавший занятия, строчивший рефераты в ночь перед «рождеством», носитель «хвостов», осуждавший страсть к выпендрежу, красивым выходкам, обитатель «камчатки», почти не конспектировавший лекции, зато читавший внеплановую литературу или сочинявший тексты песен, пока сокурсники, чуть ли не запыкаясь, водили ручкой по бумаге, не успевая за диктующим преподавом. Талантливый троечник? Наверняка. Так или иначе — показатель со знаком плюс.

Татьяна Кордюкова

Дата рождения — 28 февраля 1984 г.

Кто? Люди нашего курса.

Что? Встретились, поучились журналистике и расстались.

Где? На 4 этаже в УрГУ.

Когда? Сентябрь 2001 года — июнь 2006.

Как? По-разному.

Почему? Потому что все эти люди были очень разными.

КАТЯ

На первом курсе старостой был Женька Лямин. Вся группа его очень любила, я думаю. Когда у него был день рождения мы все «скинулись» и купили ему подарок — какую-то книжку, подписали открытку и дружно поздравляли Женю перед парой. Это был единственный раз за время нашего обучения — такая «поздравлялка».

На втором курсе старостой стала Катя Федорова. Для меня — самая моя «не для всех» однокурсница. Не для всех рассказывающая о себе, не всем дарящая свой свет. Бывают разные цветы: яркие, кричащие, «культурные», продаются в киосках, они самые популярные, все ими любят, дарят; а бывает, растут цветы где-нибудь высоко в горах, чтобы уловить их тонкую, ни с чем не сравнимую красоту, нужно преодолеть расстояние, потратить силы... и такая для меня Катя.

Первый раз я ее «отразила» в колхозе на картошке. Пока большинство из нас болтали, не сильно заботясь о количестве ведер с картошкой, Катюха вышла в «передовицы» и до конца дня мы пытались угнаться за видневшейся уже на последних рядах ее сине-желтой банданой. Потом познакомились поближе. Помню, весь первый семестр мы называли ее с легкой руки Талиповой «Джерри Халливел». Чем-то их лица действительно схожи, на первый взгляд, но кличка не прижилась — вдруг стало ясно, что Катя — это Катя, а никакая не Джерри. На свой первый день рождения в общежитии я созывала гостей; Катюшу тоже пригласила, почему-то не думала, что придет. Она пришла, подарила мне цветы. Кстати, она до сих пор помнит, что на горячее у меня было супер-блюдо — ватрушки (в условиях общежития это был нарезанный батон с пюре, разогретый в духовке).

Общаясь с Катей, я попыталась что-то изменить в себе. Я видела ее удивление, когда люди кричали друг на друга, выясняя отношения. Тогда я поняла, что действительно не стоит прилюдно, а может и в принципе, повышать голос на близкого человека. Наверное, это кажется слишком простой истиной, но только спокойная Катина манера общения донесла эту истину до меня. Она не будет

бешено орать в телефонную трубку, чтобы все прохожие обернулись, даже если человек на том конце провода сильно ее подвел. Иногда это очень полезно — взглянуть на себя недоумевающими глазами Кати и «прекратить безобразие». Кстати, при общении наша староста задает высокую планку — ты уже не будешь как обычно развязен, придется следить за тоном и словами. Лично для меня эта заданность очень ценна — редко встретишь человека, который так себя уважает.

Наверное, из уважения к себе Катя не может ничего не делать весь семестр, а потом «все сдать», и хвастаться этим, как принято у нас на журфаке. Мне нравится ее мысль о том, что на журфаке, конечно, учиться — лафа, но кто хочет, возьмет многое, ведь многое дают. Создавать имидж студента журфака, вечно курящего прямо в коридоре у туалета и патологически ничего не знающего, прикольно на первом курсе. Дальше появляется желание хоть что-то иметь за душой.

Конечно же, не хотелось бы, чтобы впечатление от моего рассказа осталось, как от морали в конце басни. Но я на самом деле люблю Катю за этот «правильный», здоровый способ мыслить. А еще за ее доброту и чуткость. Катюш, никогда не забуду, как я пришла первый раз на пары на четвертом курсе, и ты вручила мне пакет с подарком от группы на рождение моей дочки. Ты собрала со всех деньги, сходила в самый пафосный «детский» магазин и накупила так много хороших вещей! Да и не в подарке дело, а в том, что ты и выслушивала меня и поддерживала все то время.

С моей старостой, которая для меня больше, чем староста, я бы хотела вспоминать университетские денечки и лег в ...дцать, сидя за столиком в уютном ресторанчике, время от времени подливая в бокалы шампанское.

«ДЕНЬ ПЕРВАКА»

Почему-то захотелось вспомнить первый курс, журфаковский день первокурсника. Готовились к нему с большим вниманием, чем к «общему» дню первака. Начали выделяться особо активные люди курса, которые придумывали выступление. В общем, ждали. В самый день мы, девчонки, бегали по общаге из комнаты в комнату, смотрелись в зеркала, переодевались по несколько раз. Потом поехали всей толпой в ДК ВИЗа. Ехать надо было с пересадкой, оба раза на трамвае. Было очень холодно, а я нарядилась в осенние ботиночки. Стояли, ждали 13-й трамвай, который ходит на загадочный ВИЗ. Ожоченели. Все-таки доехали, с грехом пополам.

...Сидим в фойе ДК, в зал пока не пускают. И такое ощущение, что боги спустились с неба: «Смотрите, смотрите, это же Фаюстов! А вон Костя Курамшин!» И верчу головой, боюсь не увидеть звезду журфака. Никогда больше у меня не было такого чувства — вот они звезды, рядом.

Пива все набрали, ждем, когда «представление» начнется. А наши, между прочим, выступили здорово, не хуже 2 и 3 курсов! Кстати, я почему-то помню только это мероприятие и Весну журфака на втором курсе, когда несколько курсов вместе «творили» на сцене...

Потом была дискотека, где мы танцевали всем табуном (подобного за последующие годы учебы я тоже не припоминаю. Или что-то с памятью моей стало?). Я познакомилась с большим взрослым дядькой с 4 курса, он очень меня заинтересовал эксклюзивными рассказами о преподавателях, про которых я много слышала, но еще не видела.

После дискотеки все курсы, кроме первого (еще не приходили к нам такие крамольные мысли), поехали на продолжение банкета к кому-то на квартиру.

А мы, милые первокурсницы, пошли на трамвайную остановку, ждать «единичку», чтобы до общаги без пересадки рвануть. Как я тогда не отморозила ноги в своих осенних ботиночках!

Классный случай, правда?

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЖАНРЫ

Очень мне запомнился этот предмет в весеннем семестре первого курса. Любовь Анатольевна Вяткина рассказывала нам про заметки, репортажи, интервью, про искусство придумывать заголовки, лиды... Но главным, конечно, было то, КАК она это делала. Расскажет теорию (многие преподаватели на этом останавливались), и ну придумывать для нас практические задания! Писали мы кучу заголовков к какой-нибудь заметке (например, о том, как из зоопарка сбежали черепахи), делали интервью с соседом по парте, писали зарисовку — и все за 10 минут до конца пары надо было успеть. Потом сдавали свои произведения. С нетерпением ждали следующей пары, потому что комментарии Любви Ан. по поводу наших работ можно было конспектировать и продавать в юмористические журналы. Как она только нас не стебала, цеплялась за каждую нелепую фразу, за каждое глупое слово. Зачитывала избранные места из работ, не называя имен. Может, людям с тонкой душевной организацией и было обидно, но они как-то молчали, ничего не возражали против таких методов. Зато таких уроков больше никто нам не преподносил за все 5 лет.

Выполняли мы групповое задание: надо было провести некий социальный эксперимент. Наша группа придумала — всей толпой пришли на Плотинку, поджидали свадебные кортежи, и когда жених с невестой оказывались поблизости, от нашей компании отделялся подозрительный тип (Тима) и начинал умолять жениха, чтобы тот позволил с невестой сфотографироваться, а то, мол мама затерроризировала Тимофея «когда женишься, когда внуков нянчить буду?!» А тут бы он выслал маме фотографию со своей свадьбы, она бы и успокоилась. Реакции женихов на просьбу были различны: от флегматичного согласия до драки. Еще одна группа сжигала у памятника Попову чучело Бритни Спирс, размахивала лозунгами, митинговала. Перед этим ребята обзвонили СМИ и ждали, кто придет, кто нет. Но Любви Ан. больше всего понравился эксперимент, где люди пытались купить что-то в магазине, расплачиваясь огромным количеством однокопеечных

монет. Тетеньки продавщицы очень возражали, но слышали слезное: «А чем копеечки не деньги?»

Еще один интереснейший проект — «репортерский километр». Надо было идти по улице (любой) 1 км и записывать впечатления. Лично я бы сделала такую рубрику, если бы у меня была своя газета. Пусть время от времени появляются заметки репортера, просто прогуливающегося по улице. Иногда там можно увидеть намного более интересные вещи, чем те, которые вы получили в пресс-релизе.

Вот такой был мой самый любимый предмет. Была весна, еще ни в ком из нас не умерло желание стать журналистом, все мы бегом бежали в универ с репортерского километра — надо было успеть все, что увидели записать и сдать Л. А., чтобы через неделю слушать ее супериздевательские замечания. Зато какое счастье было ни разу не услышать отрывки из своей работы, а если похвалят...

«А напоследок я скажу»: Любовь Анатольевна! Мы с девочками всегда ждали вашу пару еще и потому, что нам было очень интересно, какой маникюр у вас будет в следующий раз, такие у вас красивые всегда рисунки были на ногтях! Наше восхищение, мадам.

Александра Короткова

ЗАПИСКИ НА ЗЕРКАЛЕ

От перемены мест обитания суть работы журналиста не меняется, — приехал, пообщался, написал. Если ассоциативный ряд продолжить и далее в сторону «профессионально-заезженного-избитого», вспомним, что волка — читай «журналиста» — ноги кормят. Вот и мечешься из командировки в командировку, меняешь гостиницу за гостиницей...

Для разнообразия, а может, и для памяти какой, из поездки стараешься привезти какую-нибудь безделицу: ручку от подвешного шкафчика, салфетку из буфета или еще что-то, — предмет, одним словом. А чтобы гостиничные не хватились, оставляешь в прихожей на самом видном месте (обычно, это зеркало) записку: «Имею слабость и заимствую сей предмет на добрую память. Не сердчайте, искренне ваша...»

И если представить, что журфак — это одна большая гостиница, то завтра утром горничная найдёт на зеркале моего номера следующие послания.

«Дорогая Елена Григорьевна!

Две самые толстые тетради, которые я не без труда вынесла из этих стен, — конспекты по Вашему предмету. Обязуюсь беречь их свято и передать достойнейшему из моих потомков.

А еще я очень постараюсь на протяжении всей своей творческой деятельности не посрамить светлых идеалов кафедры стилистики. Ведь благодаря Вам у меня в подкорке накрепко засели стремление грамотно писать и говорить, диктанты не легче, чем из «Мастера и Маргариты», и три случая, в которых в бессознательном сложном предложении ставят точку с запятой. С огромным уважением к Вам, А. Короткова, 202 (журн.)»

«Уважаемая Маргарита Михайловна!

С начала и по убийство Павла I даты и названия изданий выделены кирпично-розым. Публицистика декабристов — розовым, Пушкин и журналистика —

зелёным... И если кто-то из собратьев по факультету обвинит меня в пристрастии к детским раскраскам, ни за что не брошу в него заветный конспект; хотя бы из жадности и неперенной любви к истории профессии. Заявляю это более чем уверенно, и уж конечно без «как бы»! А. Короткова, 302 (журн., д/о)».

«Юрий Владимирович! Я до сих пор не понимаю, за какие налёки на талант Вы простили все мои прогулы! Но Ваше фантастическое терпение теперь ни за что не даёт мне забыть, что такое “Коминтерн”, и когда его ликвидировали.

Желаю Вам, Юрий Владимирович, успешно завершить то самое, о чём молчу, — обещала не сглазить... Побольше или поменьше Вам таких студентов, как я?.. Это решайте сами; я же на прощание, как обычно, улыбаюсь Вам — искренне и слегка виновато. Пожалуй, эту привычку я и оставлю себе, а если хотите, и Вам на память. По-прежнему, А.Короткова, (102-402, журн.)».

«Уважаемый Дмитрий Леонидович! В тот день, когда журфаку исполнилось 65 лет, Вы подарили мне медведя. Держа в охапку жёлтого Вини-Пуха, я шла от ДК “Урал”, и моему солнечному настроению завидовала добрая половина Екатеринбурга.

Спустя пять лет я завидую сама себе, ведь Ваш предмет под названием “Вини-Пух музыкальный” (дома просто Винил) хоть и не проставлен в моём дипломе, но является полноправным неучтённым приложением к нему.

А на прощанье Вам, Дмитрий Леонидович, мы оба машем лапами: я, А. Короткова, журн. 502 (д/о) и Винил, медведь плюшевый (обыкновен.).»

...бережно прикрепляю записки на зеркало в коридоре, — вот так!.. Перед выходом поправляю чёлку, и окидываю взглядом номер, снова останавливаюсь на зеркале... Нет, по-моему, записок маловато, надо будет вернуться... Открываю ежедневник и записываю: «обязательно вернуться и дописать!»

УДАЧА С ЗАПАСОМ

(ПРО МЕНЯ, ХОЛОДИЛЬНИК И ГАЗЕТУ В ТУМБОЧКЕ)

Родители называли меня Александрой в честь моей прабабушки: чтобы в жизни мне везло, как и ей, и чтобы однажды в лотерею я выиграла хотя бы холодильник. Экзамены, как известно, — та же лотерея, главное — правильно разглядеть выигрышный вариант и получить его, «не отходя от кассы».

Мой самый страшный экзамен я выдержала, когда поступала на факультет. Шутка ли, после школьных изложений написать «ТАКОЕ.»! Но судьба решила, что мне должно повезти.

В тот день (как сейчас помню, было 17 июля, суббота) с утра было пасмурно, даже дождик накрапывал; ничего себе погода, но для изложения — самое то. Нашей группе в качестве темы попалось интервью тогдашнего председателя Конституционного Суда РФ, разговор шёл о привилегиях и проблемах российских муниципалитетов. Это сейчас я вполне спокойно вывожу на бумаге такие слова, а в то утро «муниципалитет» и «распределение полномочий» наводили ужас на всю 411 аудиторию.

На вступительном экзамене я на себе проверила утверждение о том, что панический страх может подвигнуть человека на небывалое. Мои абитуриентскими стараниями полтора часа астрономического времени превратились в целый лист формата А4, и, между прочим, не зря исписанный. Получив заветную «отл.» за изложение, моя фамилия и инициалы прямиком отправились в списки зачисленных на факультет. И прожила я на журфаке полпервого курса, и сдала первую непереводную сессию на одни пятёрки... А где, спрашивается, заветный лотерейный билет, обещанный мне судьбой при поступлении?..

И вот почти через год после вступительного изложения я разбираю свою «творческую папку», где лежат школьные черновики и наброски первых моих статей. В самой середине бумажной стопки нахожу «Литературную газету», купленную за три месяца до вступительных. Газета предательски открывается на центральном развороте, и я читаю: «Будущее российских муниципалитетов. Интервью с председателем Конституционного Суда РФ Анатолием Сливой»...

Вот тебе и лотерея: «выигрышный билет» лежал у меня в тумбочке всё это время, и я даже не догадывалась о нём. Хотя, возможно, и не в той «Литературке» была удача, — не в написании экзамена со знакомого текста. Удача была в том, что я написала изложение, поступила на факультет, отучилась на нём, и, выпускаясь, мне по-прежнему есть, что вспомнить с самых вступительных экзаменов.

Возможно, я так никогда и не выиграю в лотерею холодильник; но какая, собственно, разница... Родители называли меня Александрой в честь моей прабабушки, чтобы в жизни мне везло, как и ей; и в тот день, когда мы писали изложение, я уверена, судьба решила, что мне обязательно должно повезти, — на целых пять лет вперёд...

последняя поэма или просто «P. S.»
(факультету журналистики посвящается)

«Ну вот, ты добился своего, и я уйду... Не волнуйся, завтра утром меня уже здесь не будет... Вместо прощанья ты сказал, что больше мне уже ничего не сможешь дать, что попросту мне не нужен. Надеюсь, ты это говорил лишь затем, чтобы нам было легче расстаться.

Как бы там ни было, я тебя не забуду, ведь тебе я отдала лучшие годы своей молодости... Я не спала ночи, когда ты болел — только вспомни, сколько раз у тебя была тяжёлая сессия. Только посмотри, что ты со мной сделал! Я научилась одеваться, краситься, не бояться публики, телекамер... Чтобы тебе не было за меня стыдно, я даже занималась с репетитором по речи. И после всего этого ты заявляешь, что расстанешься со мной?..

Ты эгоистичен и жесток, как любой в твоём мире бесконечного творчества, но я на тебя не сержусь, потому что всё ещё люблю тебя... А сколько таких, как я, у тебя было ещё?.. Только за годы нашей совместной жизни можно со счёта сбиться... И ты с упорством фанатика каждый год находил себе всё новых... Я

мирилась с этим, всё уговаривала себя, что ты меня любишь не меньше, чем их — молоденьких, еще не измученных работой... Неужели нам было так плохо вместе?..

Но за пять лет ты всё-таки добился своего, и я ухожу... Заявление на диплом я подала еще в январе, сегодня в нём поставили последние подписи.

Я еще долго не смогу тебя забыть... Постарайся запомнить меня так же, как я сейчас запоминала тебя. Прости, если не сумела быть тебе хорошей студенткой; видит Бог, я старалась.

Когда у меня родится дсч, я обязательно расскажу ей о тебе: о том, какой ты хороший, и о том, как больно расставаться, когда всё ещё любишь... Надеюсь, дочка меня поймёт и сделает правильный выбор...

Прощай или до свидания, как хочешь, собственно... Кофе и кассеты — как всегда, на кафедре, студенческий и «зачётка» — на полочке в архиве... Мне пора, такси, наверное, уже ждёт... Вспоминай обо мне...

Искренне твоя, Короткова А. Б.»

И все мы встретимся на ТЭФИ.

(Леське Матюшенко, однокурснице и человеку вот с такой буквы посвящается)

Если у кошки девять жизней, то у студента во время сессии их столько, сколько зачётов и экзаменов стоит в расписании.

Когда стараешься успеть всё сразу, не успеваешь только необходимого. Почти в каждую сессию мне казалось, что я опоздала, причём, везде и навсегда; тогда я обязательно звонила Олеся. «Всё, конец, не сдам, не сделаю и вообще...», — говорила я, и в ответ слышала: «Сашк, спокойно. Прекрати психовать и подумай, что сейчас важнее...» Из разговора в разговор своим спокойствием Леська возвращала мне способность конструктивно мыслить, и всё действительно получалось.

Мы познакомились на втором курсе, когда Олеся пришла в ТСО в мой крохотный отдел спецпроектов, и уже через полгода нашими совместными усилиями появился мини-фильм про факультет искусствоведения и культурологи. Мы никогда не спорили по поводу авторства фильма: я утверждала, что спецпроект Олеськин, она — наоборот. И так у нас было постоянно: радуемся успехам друг друга, и стараемся помочь, если этого требует ситуация.

Леськ, сокровище, я очень надеюсь, что наши творческие пути еще не раз пересекутся, что мы, в конце концов, станем теми, кем мечтали (я помню, ты со второго курса грезила режиссурой), и обязательно встретимся — на одной сцене во время церемонии вручения, например, ТЭФИ.

Отдавая дань своей сентиментальности, скажу, что за эти годы журфак подарил мне, пожалуй, самых-самых людей в моей жизни... Женька, Александра, Елена; мы сейчас почти уже не видимся, но каждый раз появляемся в судьбах друг друга, если это необходимо.

Олеська, Вика, Ксения, Евгений, Вероника... пройдёт время, а я по-прежнему не буду мыслить коридоры четвертого этажа без вас. Наша с вами студенческая жизнь уже, увы, закончилась, но я желаю нам следующей жизни, немного похожей на эту, университетскую. А смотрю так хитро потому, что уже точно знаю, что жить мы с вами будем, как в сказке — долго и счастливо, и встретимся в один день на ТЭФИ. А чего вы хотите, других журфак не выпускает.

Василина Кочерова

Дата рождения — 31 марта 1984 г.

Кто? Я. Наверное, все-таки, не карьерист.

Что? Пока не поняла, чего хочу по-настоящему.

Где? Где-то в театре, в котором играла десять лет, оставила часть себя.

Когда? В 10 классе влюбилась по уши, люблю до сих пор.

Зачем? Зачем отменили платья на кринолинах?

Почему? Почему моя собака не может жить столько же, сколько и я?

МОЙ САМЫЙ НЕОЖИДАННЫЙ ОДНОКУРСНИК

Решила написать о Денисе Колчине. Я этого человека почти не знаю. До третьего курса искренне полагала, что его зовут Максим. Даже как-то сдала Вяткиной репортаж с места событий, где фигурировал Максим Колчин. Но не об этом речь. Речь о том, что именно этого молодого человека я запомню на всю жизнь. Из-за одного поступка, который, на мой взгляд, характеризует его как нельзя лучше. На одно 8 Марта Денис один поздравил всех наших девочек из группы с праздником, купив каждой из нас на свои деньги по розе. Этим и покорила.

МОЙ САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПРЕДМЕТ

Она была ужасно-прекрасна! Эта смесь женщины и Рембо завораживала! Ее бесконечно длинные ноги, ее бесконечно длинные руки... Мы поднимались в ее логово, как на эшафот. Семизэтажное восхождение было лишь началом той великой муки, что ожидала нас впереди. Ее голос колоколом отзывался в моей груди, и я знала, вот оно, началось! «Кочерова!» — раздавался пароль в тишине зала. «Здесь!» — в очередной раз подписывала я свой смертный приговор. Звуки «Sex-bomb» сотрясали пыльные, разбросанные на полу по всему периметру коврики, на которых корячились мы — будущие журналисты. «...15, 16, ...» — раздавалось где-то там, почти из другого мира, а ты лежал и думал, лишь бы не умереть вот так, в этой унижающей человеческое достоинство позе, с безумными глазами и высунутым языком. А потом мы бежали. Бежали и бежали. И опять бежали. А потом снова бежали. И, наконец, бежали! А когда бегать становилось уже нелегко, мы выстраивались в очередь на мытье полов. За пропуски.

Боже мой, как быстро летит время! И вот уже нет в моей жизни ни синего спортивного костюма, ни парка Павлика Морозова, ни 2 км на время, ни громогласного преподавателя. Поистине, физкультура была главным предметом во всей моей студенческой жизни.

МОЙ САМЫЙ СЛУЧАЙ

Декабрь 2004. Зачетная неделя. Я сижу на толчке общественного туалета на втором этаже и рыдаю. В руках дрожит зачетка. Я боюсь идти к Лозовской проставлять оценку за свою летнюю производственную практику. Я не знаю, на что можно было оценить то позорище, которое я предоставила для отчета. И вообще мне просто стыдно. Стыдно за то, что не осталась на практике в Екатеринбурге, а поехала в свой родной Соликамск, где прогуляла все лето. Стыдно за то, что в редакции появлялась раз в неделю. Стыдно за то, что стыдно стало только теперь. Собираюсь с духом.

«Ты знаешь, что-то в тебе есть», — говорит мне Елена Васильевна, видя мое состояние и протягивая мне проставленную «хорошо». — Если будешь работать, все получится.

Чудесный преподаватель! Подвязал тебе крылья, и ты снова летишь! Главное ведь, когда чувствуешь, что в тебя верят!

Лидия Кривых

Помните ли вы, 502 группа, что на протяжении пяти лет я была вашей старостой. Нравилось вам это или нет, сейчас не имеет никакого значения. Я расскажу, какими вы мне запомнились.

Самой близкой подругой в университетских стенах стала для меня ...Настюха Чухиль. Ведь этим я никого не удивила, правда. Я очень рада, что мы с ней познакомилась (пусть это и звучит банально). Настена (Чухилек — так называла ее Л. Н. Василенко, кстати, Настюху это всегда раздражало) всегда мне помогала по учебе, писала за меня тесты по Чемякину, когда я была на работе, ставила всем «энки» в журнале посещаемости, а мне не ставила, оправдывала меня перед Татьяной Алексеевной, короче, была моей правой рукой. За пределами университета Чухилек превращается в Настену — в хорошую подругу и просто в замечательного человека. Мы с ней многое испытали. Она мне очень-очень дорога, я надеюсь, что с получением синих дипломов (хотя все пять лет мы мечтали о красных) наша дружба не закончится. Спасибо универу, что предоставил мне возможность узнать такого замечательного человека.

Никогда не забуду я и Яну Ильиных. Она мне знакома еще со школьной скамьи. Когда мы поступили в универ, она училась в платной группе, но спустя два года добилась перевода на бюджет в 502. Молодец какая!!! Ее наверняка не забудет полжурфака. Ведь по яниным лекциям успешно сдавал экзамены практически весь курс. Спасибо ей большое!!!

Девочка-душечка, пончик-ватрушечка — это Саша Шоркина. Она очень-очень добрая, очень-очень хорошая, просто сплошной позитив. Она не умеет сердиться, не умеет кричать. Иногда даже не понимаешь, как человек может быть таким хорошим. Может, люди, может. Сашуля всегда поможет, подскажет. А еще Саша уникальна тем, что она всегда занята, но всегда все успевает. Все вовремя сдает, вовремя появляется.

Вы не обижайтесь на меня, просто я отметила самых близких мне людей в университете.

Ольга Кузмина

Дата рождения — 10 мая 1984 г.

я и РОМА ОТДЫХАЛИ ЛЕТОМ В СОЧИ ШУМНО И ВЕСЕЛО. ПОТОМУ ЧТО МОРЕ ЭТО ВСЁ!!!
МОЙ САМЫЙ БЛИЗКИЙ ОДНОКУРСНИК

Говорят, что противоположности притягиваются, но это не наш случай.

Не знаю, что хотел сказать преподаватель фразой «Герой колабасирует», но слово нам явно понравилось. С этого дня для нас прекратили свое существование Ольга Кузьмина и Юлия Хромых, и появился Колбас. Колбас, это не я и не она — это мы. Одно имя на двоих, а дальше пошло, поехало. Одновременно сказанные слова, одинаковые поступки, мысли и даже болеть мы стали в одно и то же время.

Кто-то скажет — да ведь они такие разные! Одна — блондинка ,метр пятьдесят пять Другая — брюнетка, и метр семьдесят пять — что у них может быть общего. Да мы и сами задаем себе этот вопрос?

Но если завтра я перекрашусь в блондинку, а Юля подрастет на 20 сантиметров, в этом не будет ничего удивительного. Одно имя на двоих, а значит возможно все. Такие вот они странные, эти Колбасы.

САМЫЙ «НУЖНЫЙ» ПРЕДМЕТ НА ЖУРФАКЕ

Что такое математика для гуманитария? Что такое высшая математика для журналиста?

Квадратные корни и теория вероятности — это так страшно и непонятно. Как сейчас помню, что за день перед экзаменом я пошла к репетитору, которая вкратце пыталась объяснить мне теорию случайных чисел. Как она была наивна спрашивая: «ну что Оленька, поняла?» — нет и не пойму никогда.

Как это было странно, когда на экзамен к нам пришла целая бригада математиков и физиков. И мы, журналисты, четвертая власть, смотрели на них, как на последнюю надежду. Но сдали все, или почти все. Надеюсь, что это был последний случай в моей жизни, когда я пыталась воскресить в своей памяти таблицу умножения.

САМЫЙ СМЕШНОЙ СЛУЧАЙ

Однажды мы с Колбасом сидели на паре литературы, вел которую товарищ Зырянов.

Шептались, шутили, даже маленечко ели. В самый разгар пары, когда мы того не ожидали, Зырянов подбегает к нам и кричит, показывая на меня пальцем: «Ну ВЫ! Дезателье!!!» затем переводит внимание на Колбаса: «А вы дружок его! Корнели!!!»

Боже мой сколько чувства и силы было в его словах. А как это неожиданно!

Так как литературы на нашем факультете много, мы надеялись, что со временем узнаем кто такие Дезателье и Корнели, но не в одном из литературных периодов нам так и не встретились наши друзья. Даже как-то обидно.

Ольга Кулакова

МОИ НЕДОУЧИВШИЕСЯ ОДНОКУРСНИКИ

Кто-то из них проучился с нами всего лишь год, кто-то выдержал два, кого-то продержали три... Одни остались на второй год, другие ушли на заочку, третьи поняли — не то. Мы встречаемся в универе, на улице, в общежитии. Иногда не узнаем друг друга, иногда делаем вид, что не узнаем, иногда останавливаемся поболтать. В большинстве своем мы помним друг друга только на внешность. Вспомнить имя, а тем более фамилию трудно.

Чтобы восстановить в памяти всех недоучившихся, мне потребовалось полчаса напряженной умственной работы. Еще столько же я допрашивала соседок по общежитию. В результате получился список из 15 человек. Где и что они сейчас? Стопроцентной гарантии, что все нижеизложенное соответствует действительности, нет. Это всего лишь слухи, не все из которых можно проверить: многие из наших бывших однокурсников ни с кем не поддерживают контактов.

1. Три танкиста, три веселых друга — **Гриша Шкробень, Костя Гурьев и Леша Окуневич**. Учились в разных группах, но жили в одной комнате в общежитии. Весело, наверное, жили, потому что отчислили всю команду одновременно. Первые два все-таки не теряют надежду когда-нибудь стать журналистами (или хотя бы получить диплом) — учатся на младших курсах. Следы третьего теряются на малой родине в Лесном.

2. **Валя Тетерин и Тима Порозов (101)**. Думается мне, что таких энергичных студентов журфак не видел уже давно. Нелюбимым занятием обоих стала стилистика, любимым — КВН. Валентин учиться, вроде как, продолжает, хотя доподлинно это неизвестно. Тима сменил журналистское перо на гитару, причем очень удачно: несколько раз в газетах читала об успехах созданной им группы со сложным названием.

3. **Аня Антропова (102)**. Аня живет в Москве. Вслед за еще одной нас покинувшей Юлей (ээээээ...фамилию так никто подсказать и не смог), она уехала в столицу. Примерно раз в год проживающие в общежитии встречаются с

бывшей однокурсницей. В прошлый раз Аня сообщила, что поступила в МГУ, на специальность, связанную с рекламой.

4. **Оля Терентьева (103).** Тоже ушла на заочку. Сейчас работает на телевидении в Серове. По слухам, выпускает собственную программу.

5. **Кристина Коломиец (103).** Еще одна заочница. К счастью, на сессию приезжает в общагу, поэтому ее еще не забыли. По словам «очевидцев», Кристина совсем не изменилась — такая же хохотушка, как была!

6. **Настя Богомолова (101).** Если бы случайно не встретила в деканате — так бы и продолжала думать, что Настя до сих пор учится с нами. Оказалось, нет. Практика привлекла ее больше, чем теория, поэтому вместо того, чтобы сидеть на лекциях, Настя делает газету: читайте «Новую эру». Но журналистское образование все-таки получает — на заочке.

7. **Аня Сулла (101).** Об Анином увлечении пением знали все, однако никто не предполагал, что музыка победит над журналистикой. Журфак может гордиться: его студентка учится в Московском пединституте на эстрадном отделении. Ну и на журфаковской заочке, конечно.

8. **Вероника Пастухова (102).** Вероника нашла себя в игорном бизнесе. Рулетка, покер, Джек-пот... но и про мечту стать телерепортером она не забывает. Еще один бывший очник стал настоящим заочником.

9. **Юра Самодуров (101).** Наверное, самый спокойный и добрый представитель мужского пола на нашем курсе. После того, как с учебой не получилось, Юра пошел делать карьеру. Эротический проект на одном из городских каналов, где, по слухам, он был и репортером и оператором — обсуждал весь курс.

10. **Альбина Маматова (103).** Тоже студентка заочного отделения. Работает в Перми. До сих пор помню, как на первом курсе ходила с ней покупать ей Гриндерсы и уговорила ее купить вместо них обычные сапоги и диктофон.

11. **Дима Шевалдин (103).** Об этой секретной личности неизвестно ничего. По крайней мере, те десять человек, к которым я обращалась — не в курсе. Что ж, мы надеемся, что у Димы все замечательно!

Ну, а чтобы не забывать друг друга, давайте чаще встречаться!

МОЙ САМЫЙ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Так получилось, что на первую журфаковскую пару в моей жизни я опоздала. Немного, минут на десять. По расписанию стояла 438 аудитория. Я немножко приоткрыла дверь — все уже сидели и слушали преподавателя. Прийти позже в первый день учебы было стыдно и некрасиво. Поэтому я решила подождать 40 минут... почему 40? Потому что мои друзья из других вузов рассказывали, что пара делится на две части, между которыми — десятиминутный перерыв.

Я честно прождала 40, 45, 50 минут. Когда прошел час, а из аудитории так никто и не вышел, я поняла, что в УрГУ пара не разбивается, а длится ровно час двадцать.

До начала следующей оставалось полчаса, а так как сидеть в коридоре мне порядком надоело, я пошла в магазин за булочкой. То ли в хлебном была очередь, то ли я не рассчитала время, но когда я вернулась на четвертый этаж, началась уже вторая пара. Зайти в аудиторию я снова побоялась. В тот момент было и смешно и обидно. Я села на стул и стала ждать... на третью пару я все-таки попала.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В ОБЩАГЕ

На день рождения Оли Смирновой в общагу пригласили почти всю группу. Составили несколько столов, притащили из других комнат стулья. Именинница приготовила пиццу, наделала бутерброды и салаты. Праздник прошел весело, скоро проявили и фотографии. До сих пор не могу смотреть на них без смеха: на столе не видно ничего, кроме алюминиевых кастрюль, в которые мы настрагали салаты. А «комплимент» Панина о том, что салат с крабовыми палочками был похож на рисовую кашу, именинница не забудет, наверное, никогда.

САМЫЙ ГРОМКИЙ ЗАЧЕТ

Мысли о зачете по высшей математике засели в наши головы даже еще до того, как этот предмет вообще появился в расписании. Все знали: в зачетную неделю придут крапты!

Интегралы, факториалы... Что значат эти слова не догадывалось 90 % курса даже после пятого объяснения Горшкова. Никто не понимал, о чем говорит преподаватель, но каждый старательно выводил в тетрадке формулы, значки и равенства.

К зачету все подготовились основательно. В организационном плане. Особенно повезло тем, у кого в друзьях водились математики. У кого таковых не оказалось, брали математических гениев «напрокат».

Наступил торжественный день: день торжества точных наук над гуманитариями. Мы получили билеты, сели и...нет, даже думать не стали. По крайней мере, большинство.

Да, собственно, над чем там думать, если на листочке — только непонятные символы и куча цифр?

Одни сразу же отпросились «выйти» (под дверью томился матмех), вторые листали тетрадь, безрезультатно надеясь найти схожие примеры, третьи трясли за плечо соседа, а четвертые нервно набирали смски. Последний вариант оказался самым недейственным, потому что трудно было отыскать нужные и сложные символы в телефоне.

Мой «решатель» прийти не смог. Ну, раз математик не идет к журналисту, тогда... В общем, прямо из аудитории я позвонила спасителю и продиктовала задание. Причем расшифровку некоторых символов я не знала, поэтому приходилось объяснять, что перед цифрами стоит закрученная палочка под углом 45 градусов и т. д. и т. п. В тот момент мне казалось, что говорю я очень-очень тихо. Но, по рассказам очевидцев, точнее «очеслышцев», громкость моего голоса

отнюдь не напоминала шепот — вся аудитория была в курсе, какой билет мне попался. Через 10 минут раздался ответный звонок и я получила готовые решения.

Видимо, дурной пример, действительно, заразителен, потому что вслед за мной названивать математикам стали и другие. И это все — при стоящем тут же преподавателе!!! Гуд в аудитории стоял невероятный.

Стыд и позор журфаку! Хотя, за что нас винить? Мы ведь для благого дела старались: делали все, чтобы нас не отчислили с любимого факультета.

Светлана Куликова

Каждый из нас, пройдя через нелегкие, и одновременно радостные студенческие годы, может рассказать не одну удивительную историю, которая произошла в стенах Уральского государственного университета.

ИСТОРИЯ ВЕСЕЛАЯ

Марина Александровна Мясникова всегда удивляла нас своим непредсказуемым характером. Она могла с тобой веселиться и шутить, а через пять минут она уже на полном серьезе говорит тебе, что зачета ты не получишь и можешь попрощаться с факультетом журналистики. И поэтому каждый из нас мечтал попасть вот в эти самые пять минут, чтобы протянуть зачетку, получить оценку «отлично» и с лицом довольным и улыбающимся покинуть аудиторию. Но не всем и не всегда так везло...

А история, вот такая.

В солнечный весенний день мы собрались в 411 аудитории и с нетерпением ждали, когда придет Марина Александровна и начнет свою пару. В аудитории стоял гул, все о чем-то спорили, и как она пришла, ни кто не заметил, но потом зато все услышали грозное: «Тишина!», молча разбрелись по своим местам, открыли тетради и стали делать вид, что конспектируют. Я, если честно, не помню, о чем говорила Марина Александровна, но кто-то или что-то заставило ее прервать свое повествование, и наступила гробовая тишина, которая длилась секунд двадцать. Марина Александровна смотрела в одну точку, и по лицу было понятно, что она не может что-то вспомнить. Затем она обратилась к аудитории: «Ну неужели никто не знает эту песню, ну кто-нибудь вспомните, как она начинается, ну...» Она с умоляющим лицом начала напевать какую-то мелодию, надеясь, что кто то поймет и вспомнит эту злосчастную песню, которая вертится на языке и никак не хочет оттуда слезать. И тут судьба сжалась над Мариной Александровной, одна из студенток вспомнила песню, встала и запела ее. Марина Александровна сначала опешила, а потом с радостью подхватила. Потом все кто знал, довольно неплохо подпевали, а кто это делал громче и лучше всех, те

получили зачет, а та девочка «герой дня» даже личную благодарность. И остаток пары прошел в позитивной, доброй, можно сказать душевной обстановке!

ИСТОРИЯ ГРУСТНАЯ

Есть у нас один преподаватель, не буду называть имени, который не любит проверять работы студентов, а каким-то своим, возможно давно проверенным способом ставит зачеты. Тебе зачет, а тебе нет, а вот тебе зачет и так далее. И вот я, неделю не спавши, со всей ответственностью выполняла задание, которое необходимо было принести и сдать, дабы получить зачет. Я принесла, сдала и потянулась неделя ожидания. Через неделю я прихожу узнать результат, а у меня незачет.

— Почему? — поинтересовалась я.

— А потому — ответил мне преподаватель.

Я отправилась переделывать, через два дня сдала, а еще через два получила опять незачет.

— А почему? — поинтересовалась я.

— А потому — ответил мне преподаватель.

И затем незачет я получила еще два раза. На пятый раз, выплакав все слезы, и перебрав всевозможные варианты моей работы, я пошла и сдала самую первую, и получила зачет. А еще тот самый преподаватель похвалил меня и сказал: «Молодец, можешь ведь!»

Вот такая странная и грустная история, в течение которой пришлось понервничать, а нервные клетки, как известно, не восстанавливаются.

МОЙ САМЫЙ ОДНОКУРСНИК

Есть однокурсники, которые учатся со мной, а есть друзья, которые учатся со мной, и друзей я не могу назвать однокурсниками, слишком разные понятия. Но есть один человек, которого я не могу назвать своим другом, но и однокурсником тоже.

Лена Серебрякова всегда была для меня человеком-загадкой. В ней есть все, может чего-то побольше, а чего-то поменьше. Поменьше наглости, больше искренности, поменьше слез, больше улыбок. Лена сама порядочность. Причем во всем: утром учеба, вечером тренировка, обязательно надо взять книги из библиотек, написать реферат, да еще какой, обязательно его отметят или назовут лучшим из лучших. Но даже при таком сжатом расписании она остается непредсказуемой и не перестает удивлять. У нее, как и у всех случаются небольшие неприятности, но через них она проходит с поднятой головой и смеется в лицо всем тем, кто причинил ей боль. Если тебе в определенный момент необходима рука помощи, я думаю, что Лена не тот человек, который сможет отказать.

Однажды, когда мы прощались, она сказала мне: Пока, Дружиче!

Я задумалась, ведь друзьями мы никогда не были, и, наверное, уже не будем, но я уверена в том, что без всякой лжи и подхалимажа, увидев, ее я смогу ей сказать: Привет... Дружиче!

Сергей Куринец

Дата рождения — 6 февраля 1984 года

КТО ИЗ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ОСТАВИЛ О СЕБЕ НАИЛУЧШИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ?

Здесь сразу же стоит оговориться. Про преподавателей писать достаточно сложно. И даже эти предложения я придумываю очень долго, опасаясь двусмысленности. Просто очень не хочется никого обидеть. Поэтому сразу скажу, что нет преподавателя на факультете журналистики, которым я не был бы доволен, которого бы я не любил. Все они на пять лет — моя вторая большая семья. Отдельно я хочу выделить преподавателей, у которых мне было ИНТЕРЕСНО сидеть на лекциях: Лозовский Б. Н., Олешко В. Ф., Мясникова М. А., Афонина А. В., Антошина А. В., Чепкина Э. В., Стровский Д. А.

И еще несколько слов, которые ну уж очень хочется написать. Также как любой из нас при слове «мама» представляет свою маму, также при слове декан я буду всегда представлять Бориса Николаевича Лозовского. К сожалению, словосочетание «заведующий отделением ММР» произносятся не так часто, как слово декан. Но, уверен, что вспоминать Владимира Федоровича Олешко буду не реже. Благодаря ему, я точно знаю, как выглядит по-настоящему творческий человек.

Элина Владимировна Чепкина с самого первого курса стала для меня и для моих однокурсников не просто преподавателем по русскому языку, но и классным руководителем, которого нам не хватало после школы. И даже не классным руководителем, а, как раньше называли, классной мамой! И на лекциях Э. В. Чепкиной, как говорилось в одной рекламе, время летит незаметно!

Отдельно хочется поблагодарить Маркина А. В., благодаря которому и благодаря лекциям которого, я по-настоящему начал любить литературу. И теперь чтение занимает у меня большую часть свободного времени.

КТО ИЗ ОДНОКУРСНИКОВ МНЕ ЗАПОМНИЛСЯ?

Учитывая тот факт, что на пятый курс журналистики я пришел после ММР, конечно же, в первую очередь, хочется отметить тех ребят, которых помню еще с

тех пор. Ярмиев Леонид (не только однокурсник и товарищ по команде КВН, но и хороший и верный друг), Русина Мария (иногда мне кажется, что мне от нее никуда не деться, и, что самое главное, я этому очень рад), Васильева Милена (Этот человек помогал мне всегда и во всем, но если бы даже ни в чем бы не помогал, я бы все равно бы ее также любил, и еще она единственная, у кого Word подчеркивает красным цветом имя, а не фамилию).

Отдельно хочется выделить парней с ММР: Трапезникова Алексея, Нурисламова Юрия, Боярских Ивана, И особенно погибшего, Ахрарова Алексея.

А теперь журналисты: Шоркина Александра Григорьевна — БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ. Маркевич Елена, Талипова Юлия, Федоровы Екатерина и Анастасия, Лямин Евгений, Сулла Анна. Худяковой Елене большое спасибо за помощь в прохождении практики. И за то, что с ней не только приятно работать, но и не менее приятно общаться. Второе, на мой взгляд, важнее.

ЧТО Я СДЕЛАЮ СРАЗУ, ПОСЛЕ ТОГО, КАК НАПИШУ ЭТО?

Пойду покурю...

ГДЕ Я ОСТАВИЛ ДОБУРУЮ ЧАСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?

Не поверите, в переходе между двумя учебными зданиями: на Ленина и на Тургенева. Дело в том, что команда КВН «Не Проходите Мимо!», когда-то команда ЖурФака, а ныне сборная УрГУ, репетировала, сочиняла и так далее и так далее...

КОГДА Я УЗНАЛ, ЧТО ПОСТУПИЛ В УНИВЕРСИТЕТ, ЧТО Я ПОЧУВСТВОВАЛ?

Я выбежал из главного здания университета и, кинувшись папе в объятия, прокричал: «Да! Я буду учиться в этом университете!»

КАК Я ПРИШЕЛ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА УЧЕБУ?

Это было 3 сентября 2001 года. До этого я проспорил кому-то бутылку водки и принес ее прямо на учебу. Я чудом прошел мимо охраны, а она булькала у меня в рюкзаке все пары. Когда закончилась первая, вводная лекция, я собрался и пошел на выход. К моему неожиданному неудовольствию, меня остановили однокурсники, сообщив, что еще будут две пары. Этого я никак не ожидал, но отсидел все три пары. А бутылка водки потом нашла своего хозяина, естественно, за пределами территории университета.

ПОЧЕМУ Я ТАК ХОЧУ, ЧТОБЫ ЭТО НЕ КОНЧАЛОСЬ?

Это — мое обучение на факультете журналистики и вся моя, с этим связанная, студенческая жизнь. Вопрос риторический.

Татьяна Кутало

Помню первые дни учебы. Пыталась жить в общежитии, даже получила постельное белье. Но так и не ночевала там ни одной ночи. Зато успела познакомиться с девчонками, с которыми должна была обитать в одной комнате: Оля, Юля и еще одна Оля.

Оля Кулакова на протяжении всех пяти лет обучения снабжала меня «флагами» и «шпорами». Для меня всегда было и остается загадкой, как она успевала все это написать. Когда? И почему не успевала я?..

Помню, мы сдавали русскую литературу преподавателю по фамилии Зырянов. Экзамен проходил на Чапаева. Оля, как обычно, быстренько сдала в первой пятёрке. Я ждала ее в коридоре и жутко нервничала. На мне были новые голубые джинсы и короткая майка. Олины «флаги», написанные на обычных тетрадных листочках, каким-то фантастическим образом я впихнула в джинсы. Надо сказать, «флагами» я тогда воспользовалась впервые (поэтому и майка на мне была короткая — не продумала). Но — удачно! Я сдала на 4. В голове не было никакой информации по предмету, кроме той, которая была так бережно собрана Олей и аккуратно отражена в шпаргалках.

На четвертом курсе Ольга устроилась на работу, стала реже появляться на парах. Иногда прибегала во время какой-нибудь контрольной, тут же быстро-быстро писала, успевала сдать ее, получить «зачет», необходимый для допуска к экзамену...

И даже в этой спешке она уверенно шла на красный диплом. Как у нее это получалось — я не могу объяснить.

Два лета Ольга провела в Америке, в Денвере. Мы общались по Интернету. Я писала: Оля, как же ты будешь сдавать практику? А Оля как-то таинственно отмалчивалась. Потом возвращалась, и в назначенный срок, всегда вовремя сдавала опубликованные только что материалы. Успевала как-то.

Оля — это человек, который всегда, все и везде успевает.

Одно время мы постоянно ходили с ней в кабинеты бесплатного доступа в Интернет. Особенно помню дни, когда я, в общем-то, просто сэкономила деньги на доступе в

сеть через домашний компьютер, а Оля реально занималась делом — искала работу в США на лето. Рассылала сотни писем. Так, что Яндекс даже на время блокировал ее ящик — «за незаконную рассылку спама». Работу нашла.

В столовке прикалывались: Оля всегда покупала какую-нибудь наименее калорийную кашку и самый-самый маленький песочный коржик. Я же обычно брала несколько пирожных с чаем. Я все время веселилась: Оля, куда тебе худеть, зачем?! Наверное, единственный вопрос, который мы с Олей не могли обсудить вместе, — это диеты. Ну не понимаю я такого издевательства над собой, и все тут.

Кроме диет, пожалуй, нами обсуждалось все — наши мальчишки, наши «любови», поиски работы («Таня, всё, хватит балдеть, с сентября поиском работы занимаемся вплотную!»), и многое, много другое...

Оля Кулакова, привет тебе! Не забывай! :-)

Как таковая студенческая жизнь прошла мимо меня. В то время как нормальные люди играли в КВН и организовывали Дни первокурсника, Таня бегала за приезжающими в Екатеринбург «звездами» с фотоаппаратом. Я не жила в общежитии, не ездил ни на какие базы отдыха — в свободное от учебы время у меня была совсем другая жизнь, с другими людьми...

Поэтому вспомнить что-либо веселое из университетских будней мне очень сложно.

В университете я не влюблялась, не пила водку под первой партой, не пряталась от «скифов» в туалете с сигаретой. Просто ходила себе на пары, сдавала потихонечку экзамены да зачеты. И как-то совсем незаметно подкрался пятый, последний курс...

Вспомнилась почему-то физкультура. На первом, организационном, занятии строгая такая тетенька — зав. кафедрой, озадачила нас высказыванием о том, что у студентов во время сессии обычно бывает две проблемы: английский с его «тысячами» и физкультура.

На деле же все оказалось не так страшно. «Тысячи» я прилежно переводила, а физкультуру нужно было всего лишь посещать. Пропуски легко закрывались поддельными медсправками. На первом курсе мы даже, помню, просто отпрашивались у преподавателя: мол, Вера Алексеевна, курсовую надо срочно сдавать, мы в Белинку, можно?.. И Вера Алексеевна нас отпускала. Чаще всего мы с Олей Кулаковой действительно шли в Белинку. Мне было там ужасно скучно и постоянно хотелось есть. Эта «умная» атмосфера, которая всегда царит в библиотеках, меня напрягает. В Белинке этой атмосферой пропитан, кажется, каждый квадратный сантиметр помещения.

Иногда вместо Белинки я шла домой — слишком уж велик был соблазн сбежать из корпуса на Куйбышева: я жила в пяти минутах ходьбы.

На физкультуре был еще вариант — отрабатывать пропуски. То есть приходило на занятия с другой группой. Отрабатывала — и «энка» в журнале обводилась в кружочек. У меня было море пропусков, но я не отрабатывала их ни разу. Однажды перед Новым годом, помню, мы с Ольгой Кузьминой купили в соседнем киоске много мишуры для оформления зала. «Энки» закрылись кружочками...

Где-то на втором курсе я задалась вопросом: что я получаю от учебы в универе? Бегая из редакции в редакцию, я поняла, что теории не знаю, да и не нужно. Все, что было необходимо для работы, постигалось исключительно на практике. Своим младшим подругам, выбирающим между факультетами, я говорила одно и то же: девочки, если вы хотите, чтобы учиться было весело, поступайте на журфак! Работать можно где угодно и кем угодно, хоть поваром-кондитером. Одно знаю точно: на журфаке: а) скучно точно не будет; б) учиться будет легко.

Вообще, поступить на журфак во много раз сложнее, чем учиться на нем — такой вывод созрел после первой же сессии.

Первая сессия, кстати, озаменовалась первой «тройкой» в зачетке (и в дипломе). Мы с преподавателем Пресняковым (теория литературы) друг друга немного не поняли. По крайней мере, я-то точно не поняла ни слова из того, о чем он нам тихо-тихо вещал на протяжении семестра.

Но теолит был последним экзаменом в сессии, и поэтому даже «тройка» не омрачила того непередаваемого ощущения СВОБОДЫ, которое испытываешь каждый раз, когда выходишь из кабинета после сдачи ПОСЛЕДНЕГО экзамена. Я осталась без стипендии, но как же мало это тогда для меня значило...

На первом курсе очень веселила Любовь Анатольевна Вяткина. Жестоко издевалась над каждой творческой работой. Многие вдруг узнавали от нее, что им никогда не быть журналистами, что на журфаке им делать нечего... Я стабильно получала от Вяткиной по 3 балла за каждую работу. Честно говоря, мне было как-то все равно, что она думает по поводу моих журналистских способностей. Но перед экзаменом стало страшно. К моменту сдачи у меня был опубликован материал в газете «Жизнь». Речь там шла про новую подругу одного из участников группы «Иванушки international». Мне ничего не оставалось, кроме как заявиться на экзамен к Вяткиной с этой статейкой. Я молилась о «тройке». А Любовь Анатольевна поставила мне «пять». Да еще и посмеялись мы вместе над этим материалом, про «Иванушек» поговорили. Я даже не поняла, как так вышло. И до сих пор не понимаю.

Через год я даже писала у Вяткиной курсовую, ходила к ней на спецкурс. Вобщем, Любовь Анатольевна оставила у меня исключительно приятные эмоции. Хотя кто-то ее боялся. Я — нет.

Что мне однозначно дал университет за все эти годы — так это зарубежную литературу в огромных объемах. Десятки, может быть, сотни книг. Не будь этих постоянных тестов по текстам — никогда бы я не прочитала столько совершенно замечательных произведений. Зарубежная литература — это здорово. Русская почему-то нравилась меньше, и читалась, соответственно, тоже в гораздо меньших объемах.

Еще веселенькое было время, когда мы записывались в ТСО. Тут я узнала, что и речь у меня неправильная, и звуки произношу не так, и выпляжу на экране... словом, лучше не смотреть. Ну, по крайней мере, я поняла, что ТВ и радио — это точно не мое.

Чтобы там ни было — всем преподам спасибо и респект за терпение.

Яна Кутузова

Дата рождения — 7 мая 1984 г.

Я из г. Североуральск Свердловской области. У меня есть сестра, которая старше на один год, то есть мы погодки. Мы ходили в один и тот же детский сад, в одну и ту же школу. Мой папа всю жизнь проработал в шахте, а мама — в музыкальной школе преподавателем сольфеджио, фортепиано и хора.

С самого детства я была занятой девочкой: восемь лет я занималась в школе искусств по классу фортепиано, семь лет посещала театральную студию, в которую пригласила меня первая учительница. Кстати, Нина Петровна Прямыкина (это она), научила многому, например, хорошо рисовать. Кроме этого, удалось изучить азы волейбола и даже посетить несколько занятий морских пехотинцев, но позже я поняла, что драться — это не мое и пошла в студию танца под названием «Бенефис».

Пришла пора выбора, и я решила, что не могу больше оставаться с родителями в провинциальном городке, поэтому поступила в СУНЦ УрГУ. Да, впрочем, я с раннего возраста знала, что покину свой край родной. Большой город — это моя стихия. Десятый, одиннадцатый класс я заканчивала в том самом лицее. Там я приобрела много знаний и новых друзей. До сих пор общаемся с моей преданной и надежной подругой Сашей Алексеевской, хоть очень редко. Таких мудрых, красивых и талантливых, с интересной судьбой, девушек я еще не встречала.

Снова нужно было выбирать, теперь уже куда поступать. Хотела стать юристом, но стала журналистом! И именно такой выбор я сделала на вступительных экзаменах, хотя в Юридическую академию поступила на бюджет, а на журфаке не добрала одного балла, поэтому до сих пор учусь на платной основе. В ту тяжелую пору для абитуриента истинную поддержку я почувствовала от университетских преподавателей. Хотя на собеседовании, именно здесь, меня с легкостью и моральным подавлением завалила, как говорят студенты, Вяткина (даже имени не помню). На первом курсе она призналась, что была не права и поставила заслуженную пяттерку за свой экзамен.

Так началась веселая студенческая жизнь, но у меня она была не такой полноценной, как у всех нормальных беззаботных ребят. Через год я почувствовала себя такой одинокой!

Осенью, чисто случайно, познакомились два человека, которые в будущем стали мужем и женой. Да, это я и мой супруг Сергей. Я вышла замуж в 19 лет, и через год у нас появился сынишка Севастьян. Я его очень люблю!!! Ему уже два годика. Сейчас скучаю по нему до безумия, так как пришлось отвезти к бабушкам и дедушкам по той простой причине, что нет времени у меня (я работаю в передаче «Земля Уральская» и учусь на пятом курсе, соответственно впереди дипломная работа), и никак не устроить в детский сад.

В общем, в данный момент я пытаюсь настроиться на учебу и выполнять свою работу на отлично. Надеюсь, в этом мне поможет хорошее настроение и устроенность в жизни.

Евгений Лямин

РОДНОЙ ОДНОКУРСНИК

Татьяна Тэсс (это не моя однокурсница) в одном своем очерке писала...

Нет. Это не то, что я такой умный и начитанный... Просто вчера мы нервно сдавали «Историю отечественной журналистики» Д. Л. Стровского. И за день до сдачи (I) (за два, за три, за четыре... за пять дней уже вряд ли) все усиленно налегали на чтение различных работ наших «старших коллег» указанного периода. И вот одной из таких работ был очерк Татьяны Тэсс «Михаил Кольцов, каким я его знала»... Так вот пока я не растерял знания, решил их еще хоть где-нибудь применить, кроме как на нервной десятиминутке в кабинете историй печати на сдаче экзамена. Применю еще здесь.

Так вот. Тэсс писала: «Такой литературный жанр, как воспоминания, несет в себе некую опасность: вспоминая о другом человеке, иногда невольно начинаешь говорить о самом себе [почему Тэсс не написала «о самой себе» — для меня загадка — Е. Л.]. Боюсь, что этой опасности не минуя и я». (Квадратные скобки — в подражании одному знакомому всем учебнику). Вот и я, если сейчас начну писать о дорогом человеке, вспоминать, то обязательно буду писать больше про себя, потому что... Не знаю почему, но чувствую, что так.

Я искренен и по-другому не умею. Поэтому напишу о Ленчике, Елене Худяковой. Знакомы мы были еще с самих подготовительных курсов. Не лично, но взглядом. А это самое главное первое знакомство (по крайней мере, у меня так). Как проходило наше знакомство дальше, я не буду рассказывать. Ведь самое главное — первое. Я просто расскажу, кем стал для меня этот человек и что для меня сделал. Очень коротко напишу.

За очень короткий срок Ленчик стала для меня дорогим человеком. Потом еще и родным. Как-то так все вышло. Она, неосознанно, тоже просто вот так, развеяла мой миф о самом себе (глупое выражение), миф о том, что я не сумею в ближайшее время (это было тогда — «две тысячи лет тому назад») не сумею полюбить. В смысле, влюбиться по настоящему. Любить. Было счастье (надеюсь

взаимное). А ценил я в ней и ценю то, что люблю в людях: честность, доброту, Это то, что ценил и ценю. А любил и люблю не за это вовсе... А просто... Как Бог.

...И еще так скажу, без всякой романтики, нам вместе было легче учиться — ну, когда одна учеба на двоих. :)

И сегодня я точно понимаю — этот человек, чтобы не случилось, чтобы не произошло, останется дорогим и родным. Больше ничего рассказать не могу. Все остальное — между нами и только.

Может я был излишне искренен и невятен... Может. Но по-другому не умею.

Если бы был заголовок «Важный для меня однокурсник», то по-справедливому, кроме того, как про Ленчика, я должен был бы написать еще как минимум о пятерых однокурсниках: про Макса Гусева (ну, по нему я маленько проехал по ходу написания трех этих штук), про Серёгу Панина, про Александра Никонова, про Артема Рябова, про Веронику Скурихину. Простите меня, как говорится, мне есть что написать, но нет времени... Как всегда.

Простят...

СЛУЧАЙ

Есть, конечно, другой случай в моей жизни, он связан с курсом математики на журфаке. И о нем бы мне стоило написать — он важный, но он, как бы так сказать, личный очень, что ли. Поэтому...

...Мой друг — Максим Гусев. В скольких передрягах мы с ним побывали, сколько перевидали и работ сменили. Сколько воды и денег утекло... Одни саркофаги чего стоили, черт побери! Материал о саркофагах — наша первая серьезная журналистская работа. Возможно, поэтому моменты разработки материала и работа по сбору информации (я не шибко академично пишу?) стала одним из самых запоминающихся моментом в студенческой жизни.

Дело было на первом курсе. Для сдачи зачета Любовь Анатольевне Вяткиной, нам было необходимо разработать, написать и опубликовать материал в газете. Кладбищенская идея у нас с Максом родилась незадолго до этого, когда мы проходили мимо Михайловского погоста (шли еще с Сергеем Паниным, и он посмеялся над нами, когда мы решили писать хоть что-нибудь про кладбища — я это помню). Естественно, как всегда, шутки-шутками, мол, написать о чем-нибудь эдаком. А потом решили взяться за эту тему основательно... Хотя тоже не без смеха. Нас больше интересовала сама тема, мы даже не знали о чем писать — проблемы не было. Но мы ее решили найти сами. На крайний случай — придумать. Чего делать, слава Богу, и не пришлось. Придя в салон ритуальных услуг (на ул. Радищева), мы и наткнулись на тему. Подсказал ее нам директор. В Екатеринбурге появляются саркофаги (могила на 4 места). И плюс там еще несколько проблем. Короче, писать есть о чем. Стали собирать материал. Когда в очередной раз пришли в этот ритуальный салон (уже за интервью). Писали его с тем самым директором,

выловили его на улице. Записали. И, как оказалось, это был вовсе не директор, а рабочий. Просто похож. Поскольку между первым и вторым посещением этого салона было около двух недель, то мы позабыли лицо директора. Только в общих чертах. Короче и.о. директора был гробовщик. Но это мы поняли, когда материал уже вышел.

Нам в редакции сказали, что к большому материалу необходимо фото. И вот, после учебы мы с Максом рванули на загородную прогулку по кладбищу. А зима была. Холод. Снег. А мы едем, идем. Вот где мы почувствовали себя корреспондентами.

Кладбище. На краю кладбища шесть саркофагов. Закрывать плитами. Но еще пустые. Вдыхаем холод, разбавленный дымком из трубы крематория, который стоит неподалеку. Его огромный труба легонько дымится. Все занесено снегом. У меня папка с тетрадями. Ее пришлось применить не по назначению — сгребаем снег с одного из саркофага. Что бы фото было внятное — саркофаг надо приоткрыть. И вот мы начали тягать эту плиту. Лично я чувствовал себя больше не журналистом, а вандалом. Спустя минут десять плиту удалось-таки отодвинуть. Неплохое местечко — саркофаг — как купе в поезде. Сфотографировали.

Мы чувствовали себя Ильфом и Петровым, когда писали. И вот завершение близится. Остается самое главное — заголовок. Перебираем все. Надо ж указать предмет рассказа (о кладбищах), и что о них говорим (а весь материал был о проблемах — что-то с земельным кодексом там и перспективах — саркофаги будут на всех кладбищах). Так и назвали «Кладбища: проблемы и перспективы». Нам понравилось. Это сейчас мы смеемся в припадке над этим заголовком, а тогда... В итоге материал похвалили, заголовок засмеяли. И вышел он в «Областной газете» под названием. «Саркофаги... на погостах». Кто придумал — мы или в редакции, уже, если честно, не помню. Для нас работа над этим материалом была «первой журналистикой». А на память у нас дома остались удостоверения размером А4: «Редакция "ОГ" поручает подготовить материал о проблемах кладбищ внештатным авторам газеты Максиму Гусеву и Евгению Лямину».

ЛЮБИМЫЙ ПРЕДМЕТ

Курса до третьего, наверное, мне были интересны все пары. Ну, может быть, за мало-мальским исключением. Не, как предмет интересны были все, увлеченность парой могли снижать преподаватели. Но со временем интерес к некоторым предметам стал падать. Не буду анализировать почему (дело не в преподавателях было и не в парах). Просто настал какой-то — никакой период. Интересных предметов становилось все меньше. Но они оставались.

Такой спецкурс (или спецсеминар; я их до сих пор не различаю и не вижу разницы) «История кино» или что-то в этом духе. Больше мы изучали (если можно так сказать) голливудское кино. Читал этот курс... Я не буду говорить кто, так как у этого человека я пишу диплом. :) И говорить о нем — не верно будут. Хотя

и разговор о его предмете будет наводить на всякие там мысли... Но я стерплю. Этот курс для меня был действительно интересен и, надеюсь, важен.

И еще одна причина... На каком предмете можно увидеть еще фильмы, по большей части голливудские. Некоторые фильмы действительно были открытием для меня. Хотя было, и тоже не мало, ужасных и нудных киносеансов. На некоторых я спал. Спал. Каюсь. Но этот предмет, я думаю, не только у меня, а у большинства, кто на него ходил, привил некий вкус к хорошему кино. Больше к зарубежному кино, конечно.

Но этот же предмет сыграл со мной довольно злую шутку. Наслушавшись на лекции о великих режиссерах я... Нет, слава Богу, не пошел снимать кино. Я решил писать курсовую: «Режиссерские навыки в профессии репортера». Вот это была ловушка. Потому что, когда за неделю до сдачи я сел писать, то понял, что придется туго. Писал долго и тяжело. В итоге, сдал курсовую через месяц после назначенного срока. Но это не все. Самая засада в том, что тема этой курсовой — часть темы дипломной работы. Застрелиться.

Но, не смотря на все это, лекции о кино остались моими самыми любимыми.